

12+

Алёна Митрохина

Проводник

маленькая терапевтическая повесть

Алёна Митрохина

Проводник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68023838

SelfPub; 2022

Аннотация

Оказавшись в промежуточном состоянии, Родион вдруг понимает, что вся его налаженная и такая спокойная жизнь – это сплошные ответы. Только вот вопросов он никогда не задавал. А тут еще соседский кот с необычным именем просит о помощи. И все бы ничего, но ценой такой помощи будет Родионова жизнь. И на выбор – помочь или отказать? – всего десять минут, десять минут честных ответов на собственные вопросы. Десять минут, чтобы принять единственно правильное, а, главное, свободное и самостоятельное решение.

Алёна Митрохина

Проводник

*Моим родителям –
с огромной любовью, нежностью
и пожеланием долгих-долгих мирных лет*

Проводник

«И'нсульт!» – вот первое, о чем подумал Родя, вылетая из собственного, нелепо упавшего возле шкафа тела, и поднимаясь к потолку в состоянии легком и отчего-то прозрачном. Подумал с ударением на «и» – так всегда говорила бабушка – и'нсульт.

«И'нсульт!» – охнула бабушка и тогда, когда вместе с маленьким Родионом вышла встречать деда с работы, а тот, едва переступив порог квартиры, вдруг тихо сполз на пол и замер в странной и очень неудобной даже на вид позе. Ноги деда оказались нелепо вывернуты, одна брючина задралась и обнажила худую жилистую голень в черном, спущенном гармошкой носке. Руки тоже как-то непонятно согнулись, причем правую не было видно совсем, словно она отломилась. Родя с приятелями часто показывали друг другу фокус: засовываешь большой палец руки в рот и будто откусываешь, а затем, немного «пожевав», демонстрируешь изум-

ленной публике руку уже без пальца (сам палец, абсолютно целый, в это время плотно прижат к внутренней, не видной другим, стороне ладони) – весело и жутко. Вот и дедова рука так далеко и так тесно оказалась заведена за спину, что Роде почудилось, словно она и вправду исчезла, но ничего занимательного, а уж тем более веселого, Родя в этом не увидел.

Широко раскрытые дедовы глаза уставились точно на внука, как будто взглядом дед пытался что-то сказать именно ему, Роде, а не бабушке, стоявшей рядом. Но слов не получалось, а из перекошенного дедова рта вырывались лишь глухие, похожие на мычание звуки «мммыыы, мммууу».

«Родди, миленький, иди в комнату» – холодными как лед руками бабушка сжала худенькие Родионовы плечи и развернула в сторону комнаты, где стоял большой диван, накрытый мягким пледом и заваленный маленькими вышитыми подушками-думками. Едва только Родина голова коснулась этой неудобной диванной подушки, как он провалился в глубокий, почти обморочный сон и проспал 12 часов. Проснулся от запаха маминых теплых духов: она склонилась над ним и легонько трепала по щекам: «Сыноок, сынок! Родди, просыпайся! Родди!»

В семье все звали его на иностранный манер – Родди. Как часто бывает, имя только что родившегося ребенка родители, бабушки, дедушки и прочие любящие родственники в порыве умиления к бессмысленному кряхтящему существу

коверкают и видоизменяют, выстраивая немислимые семантические ряды. В итоге получается то ли милое прозвище, то ли новое имя, становящееся более употребляемым чем то, что записано и скреплено печатями в официальном документе – свидетельстве о рождении.

Так из Евгения-Евгеши получается Еша, Ярослава, путем построения логической цепочки Ярослава – Ярослав – Ярослав Мудрый – Ярослава Мудрая – Думающая, трансформируется в Думочку, Эдуард через Эдуардо становится почти португальским Додо.

Своими именами – Родион и Родди – он был обязан матери. Библиотекарь по профессии, беременная мама будущего Родиона, коротая время в ожидании декретного отпуска и редких посетителей в полупустой библиотечке на краю города, читала все, что хранилось в скудных книжных фондах: от рефлексирующей, полной душевных терзаний русской классики, до пошлейших романчиков неизвестного авторства в бумажных обложках, также полных терзаний и страданий, но, конечно, совсем иного свойства.

Беременность протекала в изнуряющих гормональных смятениях, заставлявших навзрыд рыдать по поводу трагической судьбы Родиона Раскольниковца, и одновременно лить сентиментально-радостные слезы над похождениями некоего Родди – героя целой серии «творений» под общим названием «Уходя навсегда, возвращайся...». Собственно, повествование в этой серии посвящалось только одному пер-

сонажу – синеглазому брюнету, исполненному всяческих достоинств уже по рождению, без проживания опыта тяжелого духовного кризиса. Читать про Родди было приятно, все у него спорилось и получалось. Герой не знал сомнений, был решителен, обаятелен, обладал недюжинной силой и заурядным ай-кью, в связи с чем автор поручал ему распутывание сложных жизненных хитросплетений – от разоблачений шпионских заговоров до семейных интриг с наследствами и любовными связями. Родди прекрасно владел иностранными языками, хорошими манерами и сердцами всех упомянутых в историях женщин, детей и животных (в одной из книг он разыскивал утраченные ценности вместе с котом, с которым добился полнейшего, в том числе языкового, понимания). Писателя при этом нисколько не заботила историческая канва, в которой разворачивались события, поэтому, если вдумчивый читатель решил бы озадачиться вопросом о времени или даже эпохе, в которых с Родди случались его приключения, то этот вопрос остался бы без ответа. Красавец-брюнет одновременно мог требовать соединить его с необходимым абонентом через коммутатор, а уже в следующей главе лихо вытягивать зубами антенну спутникового телефона (зубами, потому что руки его были заняты – он переползал с одного балкона на другой на двадцать на пятом этаже). В одной книге требуемая по сюжету информация черпалась исключительно из газет, потому что иных источников не существовало, и для того, чтобы найти хронику события,

случившегося много лет назад, герой провел ночь в архиве, перелистывая пыльные газетные подшивки. Однако в следующем романе откуда ни возьмись в окружающей реальности появлялся Интернет, где Родди – естественно! – чувствовал себя как рыба в воде и легко добывал нужные сведения даже до того, как они там оказывались. Ну и так далее...

Впрочем, читательницы никогда не обращали внимания на эти парадоксальные несостыковки, а если и обращали, то не придавали значения – обаятельный Родди радовал не только своей силой, мужественностью, остроумием и великодушием, более всего поклонниц персонажа привлекала его верность своей подруге, некоей Райли. О возлюбленной, к которой неизменно стремился и возвращался неугомонный Родди, почти ничего не было известно: автор лишь счёл нужным намекнуть, что являлась она женщиной самой обыкновенной, заурядной и какие именно качества привлекали в ней такого необыкновенного мужчину как Родди, отдавалась на волю фантазий читательниц, почти каждая из которых, конечно же, видела в Райли себя и тайно надеялась на встречу в реальной жизни с таким чудесным героем.

Словом, Родионова мама, когда встал вопрос об имени ребенка, однозначно сказала родственникам, что если родится сын, то его назовут Родионом, а если дочь, то Раей, почему-то считая, что зарегистрировать в официальных органах девочку с совсем уж нерусским именем Райли не получится. Почти полное созвучие имен Родя (от столь дорого-

го сердцу и душе Родиона Раскольников) и Родди радовало маму несказанно, поэтому, когда новорожденного принесли из роддома, все – и родители, и бабушки-дедушки звали его только Родди. Никто не был против, даже отец, потому что оказалось, что данное имя носит какой-то выдающийся то ли немецкий, то ли шотландский футболист, а отец был рьяным болельщиком..

Отец произносил имя с рычанием, похожим на тигриное: «Ррродди», а в мамином варианте имя перекатывалось и журчало, словно прохладная водица по нагретым солнцем камушкам – «Род ' д ' и», мама слегка картавила и почему-то чрезмерно смягчала звук «д».

Маленький Родион долго думал, что его настоящее имя и есть – Родди. Конечно, звучало оно не по-русски, да и в целом – не привычно, но его это не удивляло. В садик и другие детские заведения Родя не ходил: не из-за излишней болезненности, просто с ним всегда было кому быть и заниматься, мама в своей библиотеке трудилась по полдня, а обе бабушки, уже пенсионерки, устраивали чуть ли не соревнования по поводу того, с кем проведет день внук. Его бесконечно чем-то завлекали, увлекали, развивали, водили по выставкам и музеям, повторяя, что только интеллигентный человек чего-то да стоит в наше опростившееся время.

Со своим настоящим, официальным, именем Родион-Родди столкнулся только в школе, и это стало для него открытием, почти откровением. Поначалу на него он даже не откли-

кался, но потом ничего, привык. Ему нравилось, что теперь у него получилось два имени – для своих и для чужих, а с двумя именами стало и два Родиона, и домашний Родди весьма отличался от Родиона общественного – так ему казалось.

Постепенно вариант «Родди» почти исчез из употребления, даже мама, когда хотела приласкать или ободрить, все чаще говорила обычно-привычное Родя или Родиончик. Папа, с годами превратившийся в угрюмого молчуна, предпочитал незатейливое «сын», безо всякого называния – ни ласкового, домашнего, ни повседневного, официального – никакого. Поэтому, когда при первом же знакомстве с Раей, состоявшимся, как это часто бывает, у кого-то в гостях, она в ответ на его «Родион, приятно познакомится!» с коротким смешком взяла его под руку, сказав «Какой еще Родион? Никакой не Родион! Только Родди, конечно! Много ты понимаешь...», ему не оставалось ничего иного, как крепко сжать ее широкую, почти мужскую ладонь, и пойти дальше по жизни вдвоем, навстречу, так сказать, светлому будущему...

Да и как было не пойти? Забытое почти, из детства, имя, прозвучало как пароль, кодовое слово, объединившее двух, совершенно незнакомых еще пять минут назад людей. Словно разведчикам, жившим долгие годы под глубоким прикрытием, поступил приказ выйти на связь – и они вышли. Неважно, что Рая поначалу совершенно не понравилась Родиону: крупные руки, широкие плечи и, в отличие от интеллигентного Родди, из простых – мать домохозяйка, отец –

фермер, поселивший жену и дочь в городе, а сам проводивший почти все время в деревне; сама Рая – портниха, обшивавшая нестандартных клиенток на дому. Но разве соратников выбирают? Разве обсуждаются команды того, кто там, намного выше и намного разумнее?

Будь Родион хоть чуточку внимательнее, то во время частых чаепитий в Раином, без затей, дома, он обратил бы внимание на немногочисленное книжное собрание Раинового семейства. В серванте, на полках, отведенных под библиотеку, скромно пылились немногочисленные тома: подписное, в коричневой обложке, собрание сочинений Достоевского, такое плотное и нетронутое, что сомнений не возникало – ни «Преступление и наказание», ни «Бесов», ни все остальные труды Федора Михайловича в этом доме не читали; краснели золотобуквенные Вальтерскоттовские приключения средневековых рыцарей, пятый том чуть выдвинут: в нем хранилась припрятываемая Раиным отцом скорее традиционно, чем по необходимости, записка, о которой все знали, но не трогали – из уважения, да и денег хватало, фермерство процветало, обеспечивая семью с избытком; разноцветными корешками пестрела другая известная классика – Пушкин, Некрасов, Гоголь, всё – почти новое и наверняка толком нечитанное.

Но одну, нижнюю, полочку заполняли потрепанные книжицы в бумажном формате, та самая серия «Уходя навсегда, возвращаясь...». И если бы Родион догадался пролистать хо-

тя бы одну из них, то наткнулся бы и на Родди, и на Райли, и, конечно бы понял, что приключениями синеглазого героя зачитывалась и его, и Раина мамы, да и, вероятнее всего, сама Рая тоже. И Раино всегдашнее «много ты понимаешь...», произносимое ею часто и по многим поводам, утратило бы в Родиных глазах всякий сакральный смысл, кроме одного – навязчивая фраза-паразит, междометие для связки слов, только и всего...

Но Родя не догадался, книжиц с нижней полки в руки не брал, и женился на Раисе в полной уверенности, что она и есть его судьба, его рассекреченный в нужное время и в нужном месте соратник.

Родионова мама, когда Родион впервые привел Раю к себе домой познакомиться, невзлюбила ее моментально – мезальянс. Разливая чай в тончайший, почти прозрачный фарфор, казавшийся в широких Раиных ладонях игрушечным, мама поинтересовалась: «Милочка, а чем Вы занимаетесь?». Простодушная Рая, поднеся чашку высоко, к самым губам, дуя на горячий чай так, что под носом моментально выступили крупные бисеринки пота, не смущаясь ответила «Да я шью на дому, могу и Вам пошить. Правда я все больше толстым шью, для них в магазинах плохой ассортимент, а Вы вон какая стройная, для Вас и в магазине можно много чего купить». Мама, действительно очень стройная, сохранившая какую-то балетную, аристократическую статью усмехнулась, посмотрев поверх Раиной головы в Родины насторо-

женные глаза и произнесла, сжав в невидимую ниточку узкие бледные губы: «Шлея, значит...», после чего вышла из комнаты, и чай Родион с ничего не понявшей Раей допивали вдвоем.

А ведь узнай мама о такой почти мистической связи Родионовой и Раиной семьи, как давно прочитанный роман, о таком странном совпадении, когда сочиненная невесть кем невесть какая небылица вдруг обрела вторую жизнь, причудливо реинкарнируясь в их реальную, а не придуманную историю, то, возможно, смягчилась бы, приняв этот неравный союз как знак чего-то бОльшего, наделила бы его тайным смыслом и была бы к Рае более благосклонна. Но очень долго, до самого рождения долгожданного внука Мячеслава или, как все его звали, Мячика, мама принимала Раю в своем доме только по большим праздникам, когда собиралась вся семья и объяснить появление Родиона без жены становилось решительно невозможно.

Но, впрочем, жаловаться Родиону было не на что, жили они с женой без страстей и любви, но в спокойном согласии, одним словом – соратники.

Внезапный удар по голове прервал Родионовы размышления. Больно стукнувшись об антресольное дно, Родя остановил полет над самим собой и с осторожным любопытством, вытянув длинную шею, вновь посмотрел на собственное тело и лицо, неподвижно уставившееся в зеркальные створки

шкафа. У самого пола зеркальная поверхность была заляпана грязными брызгами, отлетавшими от Родиных ботинок, когда он, торопясь, цепляя носками за пятки, сбрасывал их посреди коридора. Рая неизменно ругалась: и за то, что летят брызги, и за то, что раньше времени портятся дорогие штиблеты – пятки затираются, носки задираются, засыхая в клоунском положении, не исправляемое впоследствии ничем. Когда Родион жил с родителями, за обувью всех домашних следила мама. Едва муж или сын ступали на порог, мама моментально снимала с них обувь и тщательно отмывала ее от уличной пыли и грязи, после чего, досуха вытерев специальной, только для этого предназначенной мягкой ветошкой, полировала бархатным, давно утратившим цвет, лоскутом, который Родя помнил с самого детства, и аккуратно ставила на свежестеленную газету – до завтра.

Рая Родиной боты не чистила никогда – принципиально. Поэтому распластанное в нелепой позе на коридорном немывом полу Родино тело венчали пыльные, с присохшей к подошве желто-коричневой глиной кроссовки: возвращался он домой через стройку, отсюда и глина. Выглядела сия экспозиция неряшливо и как всякий грязнуля, воспринимающий стороннюю нечистоплотность почти как личное оскорбление, Родя попытался закрыть глаза руками, но – не получилось. Висящий под антресолями, он был совершенно прозрачен и видел не только сквозь собственные руки, но и сквозь собственные крепко-накрепко зажмуренные глаза.

Мелькнула странная мысль: «Вернусь – первым делом вычищу кроссовки, отполирую офисные туфли...», но затем мысль споткнулась об это «вернусь». Что значит вернуться? Куда, зачем, а главное – откуда и как?!

Казалось бы, здесь Родя должно было стать страшно, ведь все имеющиеся знания ясно сигнализировали об одном – он умер. Родя внимательно прислушался к себе, но не почувствовал никакого страха, наоборот, появилось ясное ощущение временности происходящего, что все это – понарошку, черновик, а поэтому пугаться не стоит.

Родя снова посмотрел вниз – над его почти что бездыханной версией склонилась, а потом, поняв серьезность положения, бухнулась на колени рядом жена. «Родди, Родди, что с тобой, а? Тебе плохо?» – Рая, в приступе паники вдруг назвавшая мужа забытым почти именем, трепала его по щекам, прикладывала неопрятную, с отросшими, бурого цвета корнями волос, голову к Родиному сердцу, хватала его запястья, пытаясь прощупать пульс. Родя-тело смотрело на Раю неподвижным взглядом, а Родя-сущность, наблюдающий за всем этим сверху, вдруг испытал неожиданное чувство неприязни к находящейся там, внизу, женщине.

Изящной Раисину позу назвать, конечно, было нельзя, да и не та была ситуация, и все же ее пухлые, давно нечищенные – а зачем, не лето же? – пятки, некрасиво оттопыренный плоский зад, большие и как-то уныло обвисшие после родов груди в глубоком вырезе халата – весь этот вид вы-

звал в Роде давно копившееся раздражение. «Зачем она носит эти дурацкие халаты? Почему не следит за собой? Что, так сложно покрасить волосы, а вместо халата надеть футболку и какие-нибудь легкие брюки?» – цеплялись одна за другую недовольные мысли, «Да еще и курит...»

К слову сказать, претензии по поводу ненавистных халатов, коих у Раи было в изобилии, а уж тем более курения, Родион высказывал, и не раз.

«Посмотри на соседку из квартиры напротив, – внушал он жене, – твоего возраста и фигура не модельная, и живет одна – а никаких халатов, леггинсы, футболочка – приятно смотреть! И курение это твое, живу как с пепельницей, ты хоть на ночь не кури, дышать невозможно!». Сам Родя никогда не курил и запах табака не переносил.

Рая халатный суверенитет отстаивала непреклонно и в ответ зло парировала: «У соседки ни котенка, ни ребенка, ни мужика завалящего, ей жизнь устраивать надо, вот и наряжается дома, много ты понимаешь!». Однако по поводу курения жена, любившая посмолить на сон грядущий, все-таки пошла на определенную уступку – после сигаретки на ночь тщательно чистила зубы и рассасывала мятную конфету. Родя только вздыхал, отворачиваясь от источавшей запах табака жены, – бесполезно. Освежившая дыхание Рая ложилась спать в пижаме, пропитанной дымом, и голову, конечно, всякий раз не мыла, а волосы держали запахи долго и сильнее одежды. Родион, с детства чувствительный и придирчивый к

разного рода ароматам, даже обижался на женино курительное упорство, но от его обид и возражений не менялось ничего.

«А ведь я ее совсем не люблю» – простая мысль пронзила парящего под потолком, наблюдающего за женой Родиона. «И никогда не любил, – пожалуй, впервые честно признался он сам себе, – зачем я вообще на ней женился? Придумал каких-то соратников, коды, пароли, чужие дачи... Что за бред?»

И действительно, зачем Родион женился на Рае, женился очень быстро, почти скоропалительно, не нагулявшись не то что с другими, но даже с ней, не успев ее узнать, понять, полюбить? Этому объяснений не было. Вернее, было – она назвала его по имени, которое знали только свои, и он, как теперь понимал, ошибочно принял ее за свою.

А ведь Рая не настаивала, даже не намекала, наверняка понимая, что не ровня, совсем, так сказать, из другой оперы, других взглядов и нравов, а вот женился! Чем вызвал легкое недоумение и ее самой, и ее родни, не говоря уж о Родионовых знакомых и родственниках, испытующе всматривающихся в невесту и незаметно опускавших взгляд в область ее живота. Но причиной свадьбы была вовсе не беременность, Мячик родился много, много позже, когда они уже почти смирились с предполагаемой бесплодностью. Эх, как же права была мама, до последнего сопротивлявшаяся их браку!

«Вернусь – первым делом уйду от нее!» – с отчаянной ре-

шимостью подумал Родион, но почти сразу устыдился своих мыслей.

Вновь взглянув вниз, на сгорбленную беспомощную жену, он отчетливо понял – не уйдет. Не потому, что жаль Раю, нет. Уйти – значит развестись, а развод – это всегда проблемы, это суд, потому что у них девятилетний сын, это поиски жилья, это новая жизнь, а нужна ли ему новая жизнь, сказать твердо Родион не мог. По крайней мере, сейчас. Да и потом – жили они с Раей мирно, нормально жили, не хуже других, а в чем-то и лучше. Ругались, не без этого, но отпуск – всегда вместе, а сына любили одинаково сильно, да и матью жена была замечательной. Как он людям объяснит развод, что скажет Мячику?

Словно угадав, что Родион о нем думает, из своей комнаты вышел взъерошенный, в майке и трусах Мячик – видно, уже собрался спать. Сын подошел к лежащему на полу отцу, постоял немного, глядя на замершее тело, а потом поднял вверх свои прозрачные, в черных, густых как у девчонки, ресницах и, уставившись прямо на невидимого Родиона, спросил:

– Мама, а папа умер, да?

Родион в ужасе спрятался на антресолях, не заметив как просочился сквозь перегородки, и наблюдал оттуда. Ему показалось, что Мячик его видел и это почему-то напугало.

– Нет, что ты, Мячик, – обняла сына Рая, мгновенно беря себя в руки. В ситуациях, когда дело касалось благополучия

и комфорта Мячика, она умела становиться собранной, сосредоточенной, даже деловой.

– Принеси мне телефон, сынок, – командовала Рая, – нужно вызвать скорую, папа плохо себя чувствует, ему нужна помощь. А еще давай позвоним бабушке, она посидит с тобой, пока папу будут осматривать врачи.

«Нет! – заметался по тесным антресолям Родион, что-то задевая и роняя, – Еще этого не хватало!». Родины родители жили в соседнем подъезде, и, конечно, именно его маму, Мячикову бабушку, намеревалась вызвать на подмогу жена.

– А можно я тоже буду осматривать? – спросил сын, в последнее время мечтающий стать хирургом. – А его будут оперировать? Или только слушать? А укол ставить будут?

– Ну что ты, Мячик! – жена погладила Мячиковы мягкие, пшеничного цвета, вихры. – Зачем его оперировать? Папа же не ранен.

– Там кто-то есть, – вдруг спокойно сказал сын, показывая на потолок, – слышишь, мама?

Родион замер, скрючившись среди старых пыльных вещей, чьи очертания едва проступали в темноте закрытого пространства.

«Зачем она оставила эти антресоли?» – закипало возмущение. – «Такой шкаф отгрохала, за каким чертом нужны эти полки?»

И действительно, в недавно отремонтированной квартире все сверкало и радовало глаз новизной, старая обстанов-

ка была безжалостно изгнана, и на квадратных метрах серийной многоэтажки вдруг оказалось свободное место. Чтобы вместить то, что раньше хранилось в многочисленных шкафах, шифоньерах и комодах, Рая сделала на заказ знатный шкаф-купе, для которого специально была снесена стена между коридором и комнатой, и в образовавшееся пространство, напоминая модные теперь студии, не без вкуса и весьма гармонично вписался новый предмет мебели.

Для чего с таким огромным шкафом – точно купе, хоть полку вешай и столик ставь! – Рая сохранила древние, еще с первого ремонта, антресоли под потолком, Родя не понимал. Места в шкафу было предостаточно, но Рая, отрезав привычное «Много ты понимаешь!», наклеила на антресольные дверцы остатки обоев, покрывавших коридорные стены – задекорировала, и убрала туда Родины *сокровища*, перевезенные им из родительской квартиры: советский проигрыватель виниловых пластинок «Электроника-стерео» с треснувшей прозрачной крышкой; сами пластинки, по большей части поцарапанные и заигранные; фотографии Родионовых школьных лет; и альбомы времен художки, брошенной через полгода обучения по причине бесконечного штрихования простым карандашом теней и полутеней вместо рисования шикарных авто и женщин, которое и хотел освоить Родя, поступив в районную школу искусств.

Сокровища были складированы женой в одной ей известном порядке и категорически запрещались к извлечению.

Рая не уступила даже Мячику, которому как-то захотелось послушать пластинки и посмотреть папины рисунки. «Нет, – отрезала суровая Рая, – нечего всякую рухлядь в чистоту тащить, нет, нет и нет!». Впрочем, вскоре сын утратил интерес к отцовским реликвиям, а Родя, когда супруги не бывало дома, залезал на стремянку и, открывая обклеенные обоями дверцы, всматривался в пыльную темноту, но ничего не видел. Тогда Родион как можно дальше вытягивал руку, пытаясь наощупь определить, где что стоит, пока однажды не наткнулся на треснувшую, с острым краем крышку «Электроники» и пребольно порезал палец. Засим антресольные изыскания он оставил раз и навсегда.

Внизу жена уводила сына в сторону кухни, нашептывая ему на ушко что-то успокоительное и ободряющее, видимо решила, что ребенку от испуга при виде полуживого отца померещилось невесть что. Разве могла она предположить, что Мячик *на самом деле* видел отца, висящего под потолком и наблюдающего за ними сверху? Но Родион почему-то не сомневался – сын видел!

Воспользовавшись тем, что в коридоре временно никого не оказалось, Родион с удовольствием потянулся так, что захрустели затекшие руки и ноги (при этом расставленные в стороны конечности свободно прошли сквозь стенки и дно антресолей), распрямил затекшую от неудобного сидения спину и огляделся. В теперешнем его состоянии оказалось, что степень освещенности совершенно неважна, он прекрас-

но видел все содержимое квартирному чердака, заметил и рассыпавшиеся пластинки, сверху – винил с мутно-синего цвета конвертом, надпись «Владимир Высоцкий. Песни разных лет» – видимо, их он и задел в своих истеричных метаниях. Как маленький ребенок, добравшийся наконец до вожделенных предметов, Родион старался поудобнее устроиться в тесноте, предвкушая, как будет перебирать свои *сокровища*. Но только он уселся, комфортно вытянув длинные ноги, как услышал знакомое шуршание за стеной.

Это шуршание сводило их с Раей с ума. Шуршание, а скорее царапанье или поскрёбывание раздавалось из соседней квартиры ежедневно, в одно и то же время – 22:30, как по расписанию, хоть часы сверяй. Звук доносился со стороны стены, вплотную к которой стояла их с женой кровать, даже не кровать – ложе: Рая любила все монументальное. Капитальное строение, с вделанными в спинку псевдохрустальными бра в «богемском» стиле, провода которых были утоплены в стену, передвинуть, а тем более перенести в другую комнату, было невозможно.

Каких только предположений по поводу назойливого звука не строили муж с женой: от того, что соседка проводит ежевечернюю уборку (иногда казалось, что метут жесткой щеткой) до того, что в доме живет барабашка (домовой, бабайка, призрак и прочая мистическая нежить). Но к единому мнению супруги так и не пришли. И вот Родиону выпала

возможность собственными глазами увидеть, кто (или что), производит шум, при этом самому не будучи замеченным.

Недолго думая, Родя поднялся и, словно в масло, вошел в общую с соседями стену.

Оказалось, что соседи произвели перепланировку и общая стена, по первоначальному замыслу имевшая на каждой из сторон по одинаковой комнате, имела исходную спальню только с Родиной стороны, а со стороны соседей – что-то вроде холла, плавно переходящего в общую, судя по плазме на стене и огромному дивану напротив, комнату. Телевизор и свет были выключены, что совершенно не помешало Роде разглядеть источник шума.

У стены, той самой, что граничила с их спальней, яростно, почти остервенело, копался в лотке большой серый кот. Родион кошек особо не жаловал и ничего в них не понимал, но кот был самого простецкого кошачьего образа – пушистая серая шерсть, лохматый длинный хвост, уши торчком, нос-треугольник. Словом кот как кот, разве что чуточку полноват. Кот, казалось, Родиона не замечал, все его силы и внимание были отданы содержимому лотка, наполненному специальными мелкими камешками, призванными впитывать кошачьи жидкости мгновенно и без запаха. Кот скреб по дну ящика, как в экстазе – в одном темпе, в одном звуке, безостановочно.

«Гребаные камни!» вдруг услышал Родион и вздрогнул

от неожиданности. Грубые слова прозвучали очень близко и очень внятно. Родя оглянулся – кроме кота в помещении никого не было. «Неужели кот?» – подумал Родя, но тут же отмахнулся: что за глупость? Как кот мог говорить по-человечьи, такого не бывает!

Тем не менее Родион внимательно взгляделся в полумрак: возникла версия, что с ним пытается связаться кто-то из родственников или знакомых, уже счастливо пребывающих в лучшем из миров. Однако голос был совершенно незнакомый, да и смысл произнесенных слов – «гребаные камни» – для Родиона не значил ничего. Кроме того, прозвучали они слишком громко, что никак не вязалось с представлением о бесплотном тишайшем существовании на небесах, не говоря уж о грубости лексической конструкции! Все-таки в откровениях ОТТУДА скорее ждешь некоего просветления и тайных знаний, а не крепких и вполне земных выражений в отношении каких-то неизвестных камней.

«Значит, все-таки кот, – осознал Родион. – Вот чудно! Интересно, это я по-кошачьи понимаю или кот на человеческом говорит?»

Между тем животное продолжало копаться в лотке, камешки разлетались во все стороны: кот старался на славу.

Затем кот завис над лотком, силясь справить малую нужду, но повисев минуту-другую в скрюченной позе, снова продолжил рыться в мелко-каменистом содержимом:

– Гребаные камни! – с досадой изрек серый, распаяясь

все больше, так, что туалетные частицы улетали на почти-тельное расстояние, – сил моих больше нет!

Внезапно кот остановился и уставился на Родиона огромными желтыми глазами.

– Чего смотришь? – с вызовом спросил он. – Не доходит что ли? Камни, говорю, у меня, подлые гребаные камни.

После этих слов животное с двойным упорством продолжило скрести дно лотка, тут же утратив всякий интерес к соседу.

– В смысле – камни? Что за камни? – Родион ничего не понимал, думая, что кота не устраивает состав туалета. – А чего опилки не покупают? Есть же еще опилки, я у друзей видел.

Кот остановился и обернулся к собеседнику:

– При чем тут опилки? Опилки в твоей голове, вот где! А я про камни тебе толкую. Камни у меня. В почках. И в мочевом тоже. От сухарей, так врач сказала, к которому меня девчонка водила.

И кот замолчал. Облокотившись спиной о стену, Родион медленно сполз по ней на пол и тоже замолчал, переваривая увиденное и услышанное. Сколько времени прошло в этом молчании неизвестно, но кот прервал его первым:

– Камни у меня в почках, замучился уже. Боли адские, иной раз места себе не нахожу. Больно так, что, бывает, и поссать невозможно. Меня девчонка лечить пыталась, капельницы всякие, уколы. Узи даже делали. Ерунда все это, по-

легчало на месяцок, да потом по новой. А лечиться тоже, знаешь ли, не сладко, от уколов вся шея болела, невозможно повернуть, – на этих словах кот мотнул головой, словно проверяя как сейчас функционирует шея.

– Я один раз лежание на валиках практиковал, – выпалил вдруг Родион, – ну, упражнение такое. Ну, чтоб грудь раскрылась, спина распрямилась, осанка там, все дела. Я же видишь, какой сутулый. Это потому, что высокий. Лежишь пять минут на валике из полотенца, да и все упражнение. Только у меня не грудь раскрылась, а почки. Расшевелилось там что-то, и песок пошел. Больно было... – вздохнул Родион, жалея себя.

Он тогда сильно перепугался этой не испытанной доселе боли – в пояснице одновременно тянуло, резало, жгло. А ведь на здоровье никогда не жаловался: всю жизнь худой, ни курения, ни выпивки особой – так, по праздникам только, жирное сроду не ел – не любил, спортом хоть и не занимался, зато пешком ходил много, иной раз по десять километров в день получалось, а все равно, откуда ни возьмись – камни в почках. Тревожные воспоминания неожиданно прервал кот, продолживший как ни в чем не бывало:

– Кастрируют сначала, а потом сухарями кормят. Ладно, кастрируют, спокойная жизнь еще никому не повредила. Да и вонь... – тут кот брезгливо-задумчиво поглядел в лоток. – Терпеть не могу кошачью вонь. Так что из-за кастрации – никаких обид. Да и оставили бы яйца – это ж надо кошку ис-

кать, все эти заморочки. Я слышал, кошку для вязки коту домой привозят, аж на три дня, – тут он презрительно фыркнул и закатил глаза, – вот еще не хватало! Что с ней делать-то, с этой незнакомой кошкой?

– Я тоже запахи не люблю, – встрял в кошачьи рассуждения Родя. – Это от мамы, наверное. Она раньше никогда даже рыбу дома не жарила – воняет. Рыбу бабушка всегда делала, вкусно. Особенно рыбные котлеты.

Бабушка умерла, и котлеты долго никто не готовил. Родя и забыл уже вкус домашних рыбных котлет, мягких, пышных, из горбуши, перекрученной дважды, пока месяца два назад мама не принесла целую кастрюлю чудесных биточков из рыбы. «Что-то так захотелось, – объяснила она, – нашла тетрадь с рецептами, бабушка твоя записывала, а там и этот рецепт, и так захотелось...». Кастрюлю с рыбным лакомством со вкусом из самого детства они с Мячиком съели почти сразу, Рае досталась одна, она похвалила.

Родя вздохнул, эх, сейчас бы котлетку!

Кот неодобрительно глянул на собеседника и ворчливо произнес:

– Запахи он не любит. А у самого жена курит. Табачищем даже у нас несет, через вентиляцию. Хоть бы сказал ей что ли, Родди, чтоб на балконе курила или в форточку.

– Да я ей сто раз говорил, сам с ней ругаюсь, – начал оправдываться Родион и замер. До него дошло, каким именем называл его кот.

– Родди? Ты назвал меня Родди? – растерянно спросил он. – Откуда знаешь?

– Подумаешь, тайна за семью печатями! – усмехнулся хвостатый. – Слышал! Ты ж как-никак за стенкой живешь. Вот оттуда и слышал!

От этих слов Родиона бросило в жар. Что значит – за стенкой?! Что значит – слышал?! Ведь в обычной жизни жена давно не зовет его «Родди», только сегодня – от испуга, наверное. Лишь иногда, в самые интимные моменты, в спальне, она может прошептать «Родди, Родди...», и он чувствует себя словно герой какого-то бульварного романа или мыльной оперы, что, впрочем, нисколько не смущает, ведь говорится это только ему, и касается только их двоих. А теперь получается, что не двоих?! Что их слышно за стеной и соседи в курсе? Неожиданное и не самое приятное открытие. Как он теперь будет с соседями здороваться? «Доброе утро», – скажет он, а соседка посмотрит на него с ехидной улыбочкой «Ну здравствуй, Родди!».

Угадав его мысли кот поспешил успокоить:

– Да ты не дрейфь, знаю только я! Хозяева ничего не слышат, у них и слух не такой острый, да и вообще они в другой комнате, всё ругаются, ругаются... – тут кот горестно вздохнул. – Как девчонка уехала – так и ругаются. Девчонка хорошая была, а эти только сухарями кормят. Слушай, – посмотрел на Родиона кот, – я вот знаешь, что из еды люблю?

– Что? – поинтересовался бесплотный визави.

– Курицу-гриль, – мечтательно ответил кот. – Особенно грудку. Девчонка со мной всегда делилась, когда ела. Девчонка добрая была, угощала меня, жалела. А эти, – серый кивнул в сторону комнат, – эти только сухарями.

– А я бы от рыбной котлетки не отказался, – сглатывая слюну перебил Родя, – из горбуши. Ел такие?

– Нет, – огрызнулся кот и отвернулся от Родиона. – Не ел я никаких котлет, ни из горбуши, ни из селедки.

Сказав, кот подошел к лотку и снова начал яростно рыться.

– А из-за этих сухарей, – злобно раскидывая вокруг себя наполнитель говорил кот, – из-за этих гнусных сухарей – камни!

Когти царапали светлый ламинат, оставляя тонкие, едва видимые полоски, казалось, кот не собирается останавливаться, но тут раздались шаги – это хозяин зашел в комнату, уселся на диван и взял в руки пульт от телевизора. Кот замер, и Родион замер тоже, хотя уж ему-то опасаться было нечего. Но человек на диване передумал, и, посидев в темноте несколько минут, поднялся и тяжело пошел в сторону освещенных комнат.

– Скучно им без девчонки, – прокомментировал кот. – Да и мне скучно, добрая она была, веселая.

Дочка соседей, которую кот называл почему-то не по имени, а «девчонкой», уехала учиться на архитектора в другой город, а больше детей у них не было. Как звали девочку, Родя

не помнил, да и узнал бы ее, наверное, с трудом, общение его с соседями ограничивалось лишь взаимными приветствиями и пожеланиями хороших выходных, если встреча случалась в пятницу.

– А почему – девчонка? У нее что, имени нет?

Кот изумленно вытаращился на Родиона:

– То есть как это – нет? Конечно есть! Разве можно без имени жить? Ну ты, Родди, даешь!

И после короткой паузы кот вдруг изрёк:

– Я – Высоцкий.

Родя удивленно поднял бровь – что это значит?

– Это имя такое, – начал пояснения кот, а Родион опять удивился – странное имя для кота.

– Вообще-то при рождении меня называли Семен, – продолжил усатый. – Девчонка звала меня Семеныч. Ну вот. Однажды мы с девчонкой и хозяином смотрели телевизор, а там показывали какого-то нервного мужика. Мужик играл на гитаре и пел, а по мне так не пел, а хрипел. Девчонка спросила, кто это, и отец сказал, что это Высоцкий, Владимир Семенович, великий поэт и певец. Девчонка засмеялась, мол, Семеныч – как наш кот. С тех пор меня и стали звать Высоцким, лет десять наверно, если не больше.

Кот замолчал. Родион уже начал привыкать к его манере вести беседу, с неожиданными репликами и долгими паузами.

– Что хоть за поэт-то этот, Высоцкий? – спросил кот. –

Хороший? А то я ведь и слышал только одну песню тогда, а больше и не слышал. Там что-то было про корабль, спасите наши души, что-то такое... грустная песня, с надрывом, — вздохнул кот и почесал за ухом.

И тут Родя вспомнил!

*Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Нам SOS всё глуше, глуше.
И ужас режет души
Наполам...*

...Когда Родиону исполнилось десять, отцу, назначенному на должность главного инженера, дали трехкомнатную квартиру в новенькой серийной десятиэтажке в самом центре. Такие дома только начинали строить и получить подобное жилье — светлые широкие лестничные пролеты, скоростной лифт, и, самое главное, сама квартира, где все комнаты изолированы, а кухня почти десять квадратов, считалось везением и придавало новоявленному жильцу определенный статус. Рядом с домом — престижная школа, куда Родю перевели, не дожидаясь окончания учебного года и которую он с успехом закончил, обеспечив себе поступление в универси-

тет: номер школы в то время имел значение.

Но до переезда семья – сначала только мама с отцом, а потом и Родя, проживала в двухкомнатной хрущевке на первом этаже в отдаленном районе. Собственно, поэтому мама и устроилась в маленькую библиотечку, что располагалась через дорогу от дома, ездить в центр, в региональную библиотеку с богатым книжным фондом и перспективами роста, куда маму приглашали на работу, не хотелось – слишком далеко.

Комнаты в хрущевке были смежные, небольшая спальня и зал, в котором лет, наверное, с двух Родион спал один, на диване-книжке изумрудно-зеленого цвета, целого, кстати, до сих пор, а ведь столько лет прошло! Диван перевезли на бабушки-дедушкину дачу, не выбросили.

И каждое воскресное утро маленький Родион просыпался от узнаваемого всеми советскими людьми хрипа – отец слушал Высоцкого. Занятый на работе до самого позднего вечера все дни недели, включая субботу, свой единственный выходной родитель всегда начинал одинаково: на окно водружался тяжелый катушечный магнитофон, вставлялись две бобины – пустая и с намотанной, похожей на серпантин, коричневой пленкой, раздавался щелчок, затем легкое шуршание, и начинался концерт! Хрипел, рычал, гремел, говорил, пел, проникал везде и всюду Владимир Семенович, и отец, ни на минуту не отходивший от окна, словно магнитофон мог пропасть, а исполнение закончиться, пел, хрипел, гово-

рил и проникал вместе с Высоцким. Иногда отец взмахивал руками, словно дирижируя, иногда – вскакивал с табурета, подпевая, а иногда сидел задумчиво, глядя в окно на знакомую улицу – дорога, а посередине узкая аллея с чахлыми яблоньками, отделявшими одну полосу от другой, но, казалось, видел много, много дальше.

Родя этот воскресный ритуал ненавидел. Выходной, можно поспать подольше, а нет – Высоцкий не давал! Не помогало ни залезть под подушку, ни укрыться с головой – музыка звучала громко, заснуть снова не получалось. Раздраженно наблюдая за отцом из-под одеяла, сын злился, но не на него, вовсе нет! Высоцкий – вот кто был обозначен как источник воскресного недосыпа! И до сих пор Родион его так толком и не слушал, не смог полюбить, не захотел понять.

Но самое странное, что сейчас, после кошачьего вопроса, он понял, что помнит многие песни! И про коней привередливых, и про охоту на волков, и про «если друг оказался вдруг...», и про поля для влюбленных, и про «она живет в Париже», и про гимнастику, жирафа, Зину, про «17 лет на Большом Каретном»... И ту, которую назвал кот, помнил тоже – маленькому Роде вместо «наш SOS всё глуше, глуше» слышалось «насос всё глуше, глуше» и он думал, что раз песня про лодку, то насос – это какая-то важная ее деталь, про нее и поется. И вот получается, что память все сохранила! И поставь сейчас любое из Высоцкого – подпоет, а не подпоет, так узнает точно!

И Роде страстно захотелось послушать, вспомнить, спеть. «Когда вернусь – первым делом пойду к отцу» – возник новый пункт обязательных по возвращении дел. У отца сохранился тот магнитофон и те пленки – это было отцовское *сокровище*, и Родя знал, что мама не выбросила и не спрятала его, как Рая, на антресоли или в шкаф. Магнитофон стоял в бывшей Родиной комнате, на тумбочке, а в тумбочке аккуратно лежали все катушки. Правда, работает ли техника, не размагнитились ли пленки? Вспомнить, когда последний раз крутили бобины, Родя не смог. После переезда был куплен модный проигрыватель «Электроника-стерео», который вскоре сменился дефицитным двухкассетником «Вега», серебристым агрегатом почти космического дизайна с эквалайзером, колонками и прочими, доселе невиданными, характеристиками. «Да, к отцу – в первую очередь» решительно тряхнул головой Родион и посмотрел на кота, с любопытством ожидающего рассказа о Высоцком-певце.

Но что ему ответить? Объяснять про детские, с раздражением от недосыпа выходные? Про магнитофон и пластинки? Конечно же нет!

Поэтому Родя уверенно и твердо подтвердил:

– Отличный это был певец, Высоцкий. Просто отличный. А песня, что ты слышал, она про подводную лодку и слова там такие:

Спасите наши души!

Мы бредим от удушья.

Спасите наши души!

Спешите к нам!

Кот, не моргая, выслушал сказанное и, сторбившись и шаркая, прошествовал к лотку. Присев и подняв глаза к потолку, кот сосредоточился на отправлении туалета, но получалось плохо. Минут через пять он поднялся и со стоном отошел от плоского ящика: маленькая лужица впитывалась в мелкие камешки, а несчастное животное, пройдя пару шагов, вдруг повалилось на бок и, кряхтя и подстанывая, скрючилось криветкой и замерло. Родион с жалостью смотрел на Высоцкого, а тот, прикрыв глаза, прошептал:

– Сегодня особенно крутит. Больно мне, Родди, сил моих больше нет. Мне ведь уже лет пятнадцать, это ж по-человечьи годков сто, наверное? Не могу я так больше, Родди. Устал.

Сказав это, кот закрыл глаза и притих.

– Бедный Высоцкий, – Родион лег рядом с котом на пол и начал легонько гладить мягкую шерстяную спину, – бедный ты бедный. Чем же тебе помочь?

Так они и лежали рядом, в тишине, почти обнявшись. Вскоре, видимо, кота отпустило, и он начал урчать под сострадательной человеческой рукой, распрямился, потянулся и, наконец, встал, слегка пошатываясь, но без стонов. Уткнувшись в Родин лоб так, что кошачьи желтые огромные глаза оказались точно напротив Родионовых глаз, кот произнес:

– Слушай, Родди, будь моим Проводником, а?

Родя опешил.

Проводником? Что значит – проводником?

– Ты что, не знаешь? – глядя в Родины растерянные глаза спрашивал кот. – Коты, когда умирают, из дома уходят. Знаешь о таком?

Самое странное, что Родя знал. Когда умер дед, куда-то делся кот, живший у деда с бабушкой столько, сколько Родион себя помнил. Кот был дворовый, черный с белыми пятнами на лапах и морде, очень умный, и звали его внушительно – Барс. Не Барсик, а именно Барс. Исчезновение кота обнаружили только после похорон, но искать не стали – бабушка запретила. «Кот умирать ушел, вместе с дедом – сказала, как обрубила бабушка, – не найдем, даже начинать не будем». Родион, конечно, не согласился, кинулся писать объявления «Пропал кот, зовут Барс», но бабушка поисковые попытки внука пресекла и рассказала, что коты никогда не умирают дома – уходят.

Поэтому на вопрос Высоцкого Родя кивнул, а кот зачистил, не давая вставить ни слова:

– Не умирают коты дома, понимаешь? Нельзя. А я хочу того...уйти. Умереть, если по-простому. Но срок мой еще не пришел, понимаешь? Я раньше времени хочу, а раз так, то мне Проводник нужен. Человек. Тот, что проводит меня.

– Куда проводит? – растерянно поинтересовался Родион.

– Самое главное, что я не знаю... – развел лапы Высоцкий. – Не знаю. Мы ведь не люди, у нас души нет, да и жизнь не одна. Нет души, значит, не в рай и не в ад. Но куда-то мы идем, до какой-то точки. И до этой точки без Проводника нельзя. Не положено, не пустят. А мне надо, Родди. Помоги, а?

И кот, запрыгнув Родиону на колени, снова уставился немигающим желтым взглядом.

– А кто может быть Проводником? Почему именно я, Высоцкий?

– Проводником может стать только тот человек, который уходит, – ответил кот.

– То есть как это – уходит? Зачем? Куда?

– Да что ж ты тупой такой? – кот слез с Родионовых колен. – В иной мир уходит, куда ж еще? На тот свет! Ты разве не туда собрался?

Родион аж подскочил:

– Я?! – ткнул он себя в грудь. – Я?! Нет! Я никуда не собираюсь!

Родя заволновался, и от волнения речь стала сбивчивой, он торопился, словно боялся не успеть сказать:

– У меня дел – куча! У меня отец с магнитофоном, у меня Мячик, и котлеты я хочу, и кроссовки у меня грязные. Куда ж я пойду, сам подумай? Я вообще, может, новую жизнь начну, может, даже от жены уйду.

Высоцкий печально наблюдал за суестьем соседом: его

шанс таял на глазах.

– Высоцкий, ты только не обижайся, – умоляюще смотрел на кота Родя, – я бы с радостью помог, правда! Но уходить мне еще рано, я ж здесь сейчас понарошку, не всерьез, временно. Ты проси все, что хочешь, но только не это! Ну не могу я пока, вот совсем, – для пущей убедительности Родя нелепо перекрестился и повторил, – Мячик у меня, и вообще дел – куча...

Родя наклонился к коту и погладил, тот не сопротивлялся.

– Не хочешь, значит, быть Проводником? – подытожил кот.

– Да не могу просто! – с досадой махнул рукой Родион.

– Ну а если об одолжении попрошу – поможешь? – прищурился кот.

– Помогу! – клятвенно заверил человек. – Говори, чем?

– Да есть у меня две кандидатуры на место Проводника, – пустился в объяснения Высоцкий. – Не сегодня-завтра помрут. Я могу попробовать с ними уйти. Но мне бы сначала посмотреть на них, все-таки путь не простой да не близкий, с кем попало не отправишься. Пошли со мной, Родди, глянем на них, а? Они тут недалеко – в нашем подъезде да в соседнем.

– То есть как это – глянем? – не понял Родион.

– Да обыкновенно, зайдём в квартиры и глянем. Они нас не заметят, – успокоил серый, – я умею становиться незаметным, а тебя и так не видно, в твоём-то состоянии.

– Но это ж, наверное, долго? – Родя опасался, что пока будет ходить с котом по неведомым домам, его тело, оставшееся лежать без внутреннего содержания на полу его собственного жилища, еще, чего доброго, возьмет и скончается!

Кот закатил глаза:

– Да не бойся ты, до приезда скорой успеешь. Тебе главное – с врачами в свою квартиру успеть зайти, чтоб в реальное состояние вернуться.

– А мы точно успеем? – сомневался Родион.

Кот посмотрел на часы, висевшие на стене – 22:33.

– Неотложка едет минут десять, успеем, конечно! Мы и за пять управимся, тут рядом!

«Ничего себе! – оторопел Родион, тоже увидевший время, – я здесь всего три минуты, а кажется, что уже три часа!»

– Тогда вперед! – распорядился он и, прижав Высоцкого, просочился в подъездный коридор. – Куда идем сначала?

Квартира номер пять.

В квартире было ясно как днем: все осветительные приборы включены. Люстра в зале на 12 лампочек, подсветка в коридоре и на кухне, торшеры и бра – все сверкало и переливалось. При этом – нигде никого. Родион с Высоцким переглянулись – куда делись хозяева? Убедившись, что поблизости хозяев нет, товарищи двинулись вперед по длинному коридору, попутно заглядывая в ярко освещенные комнаты,

но ни в них, ни на кухне людей не оказалось.

Вдруг Высоцкий приложил лапу к морде:

– Тссс! Тише! Слышишь звук?

Родион остановился, прислушался и сразу же уловил гул – это ровно и шумно гудела вода. Раздался крик «Карелия Павловна, Вы опять? Опять?», мелькнула чья-то тень и в глубине коридора открылась не замеченная сразу дверь, за которой оказался туалет, совмещенный с ванной. В помещении стояла невысокая старушка, засунувшая руки в унитаз и производящая полоскательные движения. Зашедшая в санузел статная женщина – хозяйка квартиры, соседка, которую Родион сразу узнал, один за другим вытаскивала из унитаза шерстяные носки и бросала их на пол. С носков текло, и вода через порог выливалась в коридор, оставляя на напольной плитке «под камень» неровные длинные разводы.

– Карелия Павловна, ну сколько можно? Это унитаз! Унитаз! В нем нельзя стирать, я же Вам сто раз говорила! – внушала женщина.

Старушка наблюдала за ее действиями исподлобья, неодобрительно поджав губы и скрестив на груди жилистые, в синих венах, бледные руки.

– А ты меня еще поучи, грязнуля! – выговаривала она, четко артикулируя губами. – Засралась! Заросла грязью! Белье не стирано, обед не приготовлен, в холодильнике – шаром покати! Не о такой жене для сына мечтала я, не такой семейной жизни желала! Да, не оправдала ты надежд, Вик-

тория! Никакая ты не виктория, а сплошной разгром и поражение!

С этими словами старушка вышла из ванной комнаты, поскользнувшись и чуть не упав на водяных дорожках, но, взмахнув руками, удержалась и остановилась чуть поодаль, наблюдая за действиями хозяйки квартиры.

Старушка была ее свекровью и давно и прочно пребывала в состоянии старческого слабоумия, а проще говоря – в маразме.

Закончив уборку, Виктория села на пол и уткнулась лицом в колени. Она очень устала и не знала, что делать дальше.

Карелия Павловна с каждым днем все сильнее утрачивала осознанность, ее ментальное здоровье, в отличие от физического, стремительно катилось в тар-тарары. Вику, в отличие от остальных, она узнавала, но и то не всегда, все чаще принимая ее то за свою дочь, то за любовницу сына, которого, в свою очередь, считала собственным мужем, приставая к нему с выяснениями отношений и требованиями любви, в том числе супружеской.

В итоге муж не выдержал и сбежал, оставив сумасшедшую мать на попечение жены.

– Ну не могу я с ней, Викторишна, ты пойми, – сжав Викины руки, умоляюще заглядывал в глаза муж. – Это же страшно. Она пристаёт ко мне, ходит за мной по пятам. Она меня за мужа считает, это же ужас что такое! Это же не жизнь,

а черт-те что! Я так устал от всего этого, мне нужно отдохнуть, подумать. Найти тему, в конце концов! Мне нужна тема, неужели ты не понимаешь? Нужно придумать, как заработать денег! А с ней разве можно думать? Она мешает, за ней все время следить нужно, а я не могу, не умею с больными. А ты все-таки врач, ты умеешь, у тебя получится...

С этими словами муж покидал в сумку вещи и укатил к давнему другу в соседний регион – отдыхать и искать тему для будущего бизнеса.

То, что Виктория – врач-онколог, а не психиатр, несколько благоверного не смутило, мол, врач же, а специализация значения не имеет!

То, что жена не просто рядовой врач, а заведующая отделением химиотерапии в краевом онкологическом диспансере, а, значит, работает не как все с восьми до четырех, а до самого вечера, и часто в выходные – не смутило тоже.

То, что свекровь изгоняла всех нанятых сиделок, а те, что не были изгнаны, сбегали сами, во внимание не принималось.

Правда, у свекрови была дочь Инга, сводная сестра Игоря, мужа. Сестра родилась в первом браке, разница в возрасте – 17 лет – стала пропастью между ними: ни общих интересов, ни общих разговоров, ни тепла, ни любви, общей была только мать. Узнав о материнском диагнозе Инга заявила сразу и безапелляционно: «Я с ней сидеть не буду, ухаживать не буду, не хочу, некогда! Сдавайте слабоумную в интернат, я от

всех прав на ее однушку отказываюсь, продавайте квартиру и на эти деньги содержите ее в специальном месте, а на меня даже не рассчитывайте». Почему дочь так поступила с родительницей, Виктория выяснять не стала, но отдать старушку в интернат не позволила.

– Что мы, нелюди какие что ли? – убеждала она мужа. – Как можно при живых детях и в интернат? Это и не по-человечески, и не по-божьи, грех это – немощных родителей бросать! Будет у нас жить и точка.

Муж, конечно, обрадовался такому решению, совестно было и ему родного человека бросить. Поначалу хорошо помогал, ведь, профукав очередной бизнес, второй год сидел без работы. Возился с матерью, гулял, даже еду готовил. А потом ее переклинило, стала принимать сына за давно умершего мужа, ревновать к Вике, устраивать сцены, скандалить, вот Игорь и не выдержал.

Так и получилось, что Вика осталась со вздорной в своем безумии матерью супруга совершенно одна, и помощи ждать неоткуда.

Виктория Игоря не осуждала, что толку судить? Тем более на совместном проживании со свекровью настояла именно она, значит и ответственность нести ей – она всегда отвечала за свои слова, принимала испытания судьбы как должное, справляясь с ними без жалоб и роптаний. Зачем искать виноватых и выяснять причины? Нужно выстраивать план действий, идти вперед, жить дальше. Этому научила ее про-

фессия, этому она учила и своих пациентов, многие из которых сдавались, задавая ненужные вопросы «за что? зачем? почему я?». «Ни за что и ни зачем, – убеждала она страдальцев, – онкология – это болезнь, да сложная, да опасная, но излечимая! Нужно лечиться и слушать врачей, тогда все получится!». Ее слова многим помогали, люди выздоравливали и еще долго благодарили докторов, в том числе и ее.

Только вот сейчас ей самой нужна помощь.

Месяц назад, привычно пальпируя грудь во время душа, Вика нащупала сверху справа маленькую шишку размером не больше фундука. Сразу поняла – это *она*. Опухоль, плохая. Даже не удивилась и уж тем более не заплакала. На следующий день пошла к маммологам, те отправили на биопсию и все подтвердилось. Судя по размерам стадия первая, в крайнем случае – вторая начальная. Степень злокачественности похоже, что низкая, но точнее сказать можно будет только во время операции, как и то, задеты ли лимфоузлы. Операция нужна и срочно, в таких вещах промедление ни к чему. Потом, скорее всего, не избежать тяжелой химиотерапии, уж она-то насмотрелась, как протекает это лечение. Все это можно выдержать, но сосредоточиться нужно будет только на себе, помогая себе, а как это сделать, если на печени – свекровь, теряющая рассудок со скоростью света?

Конечно, Вика сразу позвонила мужу. Тот, крича сквозь помехи – «что-то со связью!» – даже не стал ее слушать, восторженно перебив:

– Викторишна, ты не поверишь! Я нашел тему! Нашел! Надо заниматься продуктами, продукты всегда нужны! Будем поставлять молочку, масло там, сыр. Викторишна, мы сейчас в горах, ищем поставщиков! Алло, Викторишна, ты где там? Ничего не слышу!

Вот и весь разговор.

– Чего расселась? – громкий голос свекрови вернул ее в действительность. – Я есть хочу!

Вика вздохнула – старая женщина вполне могла сама положить себе еды, налить чаю из термоса. Но сейчас она злилась на молчавшую невестку и поэтому командовала, спорить с ней было нельзя, чтобы не спровоцировать ссору.

Поднявшись, Виктория пошла в сторону кухни, попутно выключая зажжённые свекровью по всей квартире лампы – Карелии Павловне нравилось, чтобы было светло. Свекровь шагала рядом и сварливо бурчала:

– Опять супом будешь кормить? Я шашлыка хочу! И мороженого! Сколько можно этот суп хлебать? Наварит на месяц, сама не ест, а меня заставляет, неумеха. Вместо того, чтобы целыми днями не пойми где шариться, лучше бы готовить училась!

– Вы же знаете, я работаю, – вяло оправдывалась Вика.

– Кем ты там работаешь, работница? – презрительно усмехнулась старушка. – Ты хозяйка-то никакая, а уж на работе совсем, наверное, бестолковая!

– Ну хотите, я за мороженым схожу? – предложила Виктория.

– За каким еще мороженым? Ты что, хочешь, чтоб я заболела? Смерти моей хочешь?

«Бесполезно, все бесполезно, – думала Вика, – ей не угодишь, да и что с нее взять, больной человек, разве она виновата, сама не ведает, что творит. На кого ее оставить? Кому она нужна?».

Высоцкий и Родион наблюдали за двумя женщинами, кот – с любопытством, Родион – с сочувствием. Да, старость – не радость, а уж старость, отягощенная слабоумием – настоящая беда.

– У меня дед, – шепотом начал рассказывать коту Родион, – лет восемь парализованный лежал. Инсульт. Ни говорить, ни шевелиться, ничего не мог. Я, если честно, даже и не знаю, понимал ли он чего? Бабушка говорила, что понимал, а мне кажется, что нет.

Инсульт разбил деда, когда Родион еще в школу не ходил. Дед долго пробыл в больнице, а потом его привезли домой, где он и лежал на диване в большой комнате, очень бледный, странно вытянутый в своей неподвижности, и маленький Родион наблюдал за ним, стоя на пороге, не решаясь подойти.

– Ты чего, Родди? Боишься? – мягко спрашивала бабушка. – Иди, поговори с дедушкой, он все слышит и видит, просто не может ответить. Сядь рядышком, почитай ему, ты же умеешь читать. Дедушке будет приятно.

И бабушка легонько толкала внука по направлению к дивану, но Родион сопротивлялся – он не признавал в больном собственного деда, не признавал и действительно боялся. Причем страшно было не от того, что дед совсем не мог шевелиться и говорить. Оказалось, что до удара у деда была вставная челюсть, которую сейчас, конечно же, вытащили, и дедов рот как-то жутко ввалился, а тонкие бескровные губы странно трепетали при каждом вдохе и выдохе, то западая, то снова выталкиваясь потоком воздуха наружу. Много позже, привыкнув к этому зрелищу и подходя к деду без опаски, Родя брал перышко и клал на дедов рот, наблюдая, как оно взлетает, в зависимости от силы выдоха каждый раз на разную высоту, и снова опускается. Эксперимент продолжался довольно долго, пока мама не застала Родю за этим занятием. Ох, и ругалась же она на сына! «Это жестоко, ты разве не понимаешь?! – кричала мама. – Как тебе не стыдно! А если он задохнется? Что ты будешь делать тогда? Это ведь секундное дело! Не ожидала я от тебя такой дикости, Родди».

Родион совершенно не думал, к каким последствиям может привести его шалость, испугался и больше так не делал. Теперь, сидя возле деда, он читал ему книжки, сначала медленно, ведь он только освоил чтение, а потом все увереннее. Неизвестно, слышал ли тот его, и была ли ему от чтения какая-то польза, но Родиону, особенно когда он поступил в школу, точно была. До шестого класса внук осваивал школьную программу по литературе быстрее остальных, по-

тому что постоянно читал вслух: и произведения писателей, и критические статьи, и пояснения из учебника. Дед умер, когда Родион перешел в седьмой, но привычка читать вслух и всё подряд осталась, так что по литературе он всегда был лучшим учеником.

Воспоминания прервал Высоцкий.

– При чем тут твой дед с инсультом? – задал он резонный вопрос.

– Да просто подумал, – прошептал Родя и кивнул в сторону старушки, – что хуже – лежать парализованным или вот так, в безумии, свои дни доживать?

– Всё плохо, – категорично ответил кот. – Но я с этой бабкой на тот свет не пойду. Мне безумный Проводник не нужен. А тем более с таким характером. Я с ней и полдороги не осилю, да еще и заведет не туда.

– А почему ты решил, что это Карелия Павловна должна преставиться? Может, Вика? – зачем-то уточнил Родион.

– Родди, ты в своем уме? Ты посмотри на нее, она ж еще молодая совсем, с чего бы ей помирать? Ты как что спросишь, хоть стой, хоть падай! – укоризненно покачал головой кот.

Будто услышав разговор, Карелия Павловна вдруг резко остановилась прямо напротив них и, глядя точно на Родиона, проговорила:

– И не надо на меня смотреть! Еще и кота приволок! Думаешь, я ничего не знаю? Все, все про тебя с ней знаю, – су-

хим пальцем старуха ткнула в Викино плечо и пригрозила Роде. – Мне обо всем и давно известно!

Родион испуганно попятился и потянул Высоцкого:

– Она что, нас видит?

– Да что ж ты такой трусливый? – кот вырвал лапу из Родионовой ладони. – Ты мужик или заяц, трясешься всё? Ничего она не видит, я ж сказал, что умею становиться незаметным, а ты вообще прозрачный!

– Но она же к нам обращается, ты же слышал. Смотрит прямо на меня, про кота говорит!

– Ты не только трусливый, а еще и невнимательный, – кот пошевелил ушами. – Посмотри на стену за спиной, все поймешь.

Родя оглянулся – на стене в раме со стеклом висела большая черно-белая фотография, запечатлевшая мужчину лет пятидесяти с пушистым белым котом на руках. Оба – и мужчина, и кот, смотрели точно на старуху, мужчина – весело, кот настороженно. Именно к ним и обращалась Карелия Павловна, а вовсе не к Родиону с Высоцким.

– Муж? – догадался Родя.

– Ага, муж, – подтвердил кот. – Давно уже в могиле, а она все с ним разговаривает, ругается, все покоя ей нет. Вздорная она, хоть и старая. Говорят, старые люди добрые, мудрые, а вот не факт. Злая, да еще и в деменции. Не-е-е, я с ней даже в одном лифте не поеду, не то, что на тот свет идти. Не Проводник она, а обуза только.

И словно вторя коту, Карелия Павловна взяла цепкими пальцами Вику за руку и каким-то плаксивым, но совершенно разумным голосом проговорила:

– Викочка, доченька, думаешь, не вижу какая я тебе обуза? Как плохо со мной? Терпи, милая, ты справишься!

У Вики защипало в носу и на какой-то миг ей показалось, что все наладится, все будет хорошо. В порыве нежности она обняла острые плечи свекрови и прошептала:

– Мы справимся, Карелия Павловна, мы вместе – справимся!

Но старая женщина отпрянула от невестки, и заворчала:

– Есть хочу! Голодом меня решила уморить? Не дожدهшь-ся! Я еще на твоих похоронах простужусь!

Она вырвалась из Викиных объятий и зашаркала в сторону кухни. Опустив голову, Виктория пошла следом.

Родион и Высоцкий молча проводили их взглядом и, просочившись в подъезд через стену с портретом, покинули квартиру номер пять. Портрет закачался, а потом с грохотом упал на плиточный пол, стекло треснуло и разлетелось вдребезги.

Решили идти через улицу, хотя в соседний подъезд могли легко проникнуть через стены. Захотелось освежиться и подышать.

На улице было темно и сыро, морось окутывала все вокруг словно тончайшая паутина, сразу становилось мокро и зяб-

ко. Родион с удовольствием вдохнул полной грудью свежую прохладу. «Почти середина октября, скоро у Мячика день рождения. Вернусь – первым делом пойду с ним в магазин, пусть выберет себе все, что захочет, хоть приставку, хоть телефон» – нарисовался в голове очередной пункт плана «Возвращение».

В темноте и промозглости улицы особенно уютно светились окна дома, в котором Родя прожил почти всю свою жизнь. Привычно посмотрел на шестой этаж – у родителей светилось окно на кухне и в бывшей его комнате, перевел взгляд на окна собственной квартиры, но увидел лишь слабый отсвет, понял, что лампы включены только в коридоре да, может быть, в детской, окно которой выходило на другую сторону. «Что там сейчас? Надо торопиться, к тому же и замерз уже». Странно, но в теперешнем, бесплотном, состоянии Родион мерз, хотя по идее ему не должно было быть холодно. Это открытие обрадовало: «Значит точно все не по-настоящему, понарошку. Я успею, вернусь!».

– Ну что, Высоцкий, время-то идет, где там твой второй кандидат, в какой квартире? Говори номер.

– Я в номерах не очень, не помню никаких номеров, зачем они мне, – отозвался кот. – Расположение помню, шестой этаж, а там покажу.

– Интересно, о ком ты говоришь? На шестом мои родители живут, я там всех соседей знаю...

Но кот уже ушел вперед и не услышал Родиного вопроса.

– Эй, Высоцкий, подожди, – Родя кинулся догонять пушистого.

Квартира на шестом этаже

На шестом этаже было темно – жильцы установили сенсорные светильники, но на пришедших, в силу их необычного состояния, сенсоры не среагировали. Кот ходил кругами, вглядываясь в квартирные железные двери, все никак не мог найти нужную.

– Ты чего, заблудился? Тут всего четыре квартиры. Забыл в какую надо? Кто там хоть живет-то? Я же всех тут знаю, давай подскажу, – приставал Родя к серому.

– Отстань, не мешай, – огрызнулся Высоцкий. – Постой в сторонке, мне сосредоточиться надо, а ты шаркаешь и пристаешь, зануда.

Родя обиженно засопел – ему помощь предлагают, а он еще и обзывается! – но послушно отошел к лифту и принялся ждать.

Когда же он последний раз был у родителей? Месяца два, наверное, назад. Да, точно, в конце лета, перед 1 сентября. В августе родители закончили ремонт, легкий, косметический – поменяли обои в коридоре и на кухне, заказали новый шкаф-купе («Очень уж мне ваш ремонт понравился, сынок. Тоже захотелось перемен» – объяснила мама). Вот старый-то шкаф Родя и помогал разбирать отцу в августе, а потом увез

на родительскую дачу на машине приятеля, который занимается грузовыми перевозками. Ни обновленную после ремонта квартиру, ни новый шкаф Родя не видел – все недосуг было зайти. Вот ведь стыд, живет в соседнем подъезде, а уже два месяца маму с отцом не видел.

«Нет, все-таки первым делом – к родителям! – окончательно утвердился Родион в приоритетах. – И магнитофон с отцом достанем, и котлет поедим. С мамой хоть поболтаем. Может, даже ночевать останусь. Возьму Мячика и поживем денек-другой у бабушки, ему весело будет, он любит менять обстановку, пусть хоть и так. Точно! Первым делом – к родителям!». От этой мысли потеплело на душе. Вспомнилось, как в детстве просыпался от запаха блинов – мама вставала пораньше и к его пробуждению на тарелке уже исходили жаром тончайшие солоноватые мамины блины, самый последний и самый маленький – только для Роди. К блинам – морс из черной смородины и пиалка со сметаной, у пиалки щербинка на краю, а на дне рисунок – волк гонится за зайцем. Сейчас в эту пиалку макает свои блины Мячик, а мама, Мячикова бабушка, каждый раз говорит, что «когда твой папа (то есть Родион) был маленьким, то всегда-всегда съедал сметану до конца, чтобы выяснить, догнал ли зайца волк».

Весь в своих мыслях Родион зашел за котом, даже не поняв в какую квартиру. Оглянулся вокруг – светлые незнакомые стены, вдоль одной стоит шкаф-купе, узкий, компактный, с боковыми закругленными полками, совсем не такой

как у них с Раисой. На полках электронные часы со светящимися цифрами-палочками, безделушки и телефон-трубка.

Дверь в одну из комнат прикрыта, и что там происходит, не видно, хотя понятно, что в ней кто-то есть: Родя услышал вздохи, покашливание и стуки, как будто что-то берут, а потом кладут обратно на стол или тумбочку. «Не спится, что ли?» – подумал Родион и посмотрел в сторону кухни, в которой тоже кто-то был. «Наверное, чай пьют, – предположил Родя, уловив звук звяканья ложки, размешивающей сахар в чашке, – сейчас бы чайку послаще, да с лимончиком». Он глубоко вздохнул и тут же почувствовал слабый, но такой знакомый запах – «Котлеты! Рыбные! Надо же, кто-то жарит. Это знак – завтра же к маме, прямо с утра, без предупреждения!».

Вдруг ночную, мирную тишину квартиры нарушил телефонный звонок, настойчивый и тревожный, Родион аж вздрогнул. Раздался звук отодвигаемой табуретки и со словами «Что это за звонки такие поздние, вот ведь наглость!» из кухни вышла ... мама.

Ее появление было столь неожиданным, что у Родиона перехватило дыхание как от удара под дых.

– Мама? – кинулся к ней ошарашенный сын. – Мама! Что ты здесь делаешь?

В секунду он оказался рядом, но она, конечно, ничего не почувствовала. Родион хватал ее за руки, двигал маленькие

фигурки слонов на полке возле телефона, пытаюсь привлечь внимание, но тщетно! Лишь вспорхнул и медленно опустился на пол тонкий белый бумажный квадратик – какой-то забытый чек или счет.

Мама сняла трубку, но сказать «Алло!» не успела, громкий и поспешный Раин голос ворвался в квартиру:

– Ольга Ивановна, Вы не могли бы к нам прийти? – от испуга Рая говорила тонко, почти визжа. – Прийти прямо сейчас. Родди плохо, я неотложку вызвала, нужно с Мячиком побыть.

– Что случилось, Раиса? – строго спросила мама. – Где Мячик? Что значит – плохо?

– Ольга Ивановна, он домой зашел и упал! Не шевелится, глаза открыты. Я боюсь, Ольга Ивановна! Мячик на кухне, чай пьет, – отчиталась невестка.

– О, господи, Рая, – мама зажала рот своей маленькой ладошкой, – неужели инсульт, как у моего отца?

– Я не знаю, не знаю! – почти кричала от отчаяния Раиса и повторила, – он зашел и сразу упал, даже не разулся! Но Мячик вроде не испугался, чай пьет.

Родион видел, как после минутного замешательства мама берет себя в руки, как она всегда умела:

– Значит так, Раиса. Я иду к вам. Твоя задача – до приезда врачей разговаривать с Родди. Смотри ему в глаза, держи за руку, говори с ним. Не трогай, не шевели, набери еще раз 03, пусть поторопятся, скажи, что ситуация критическая. Зара-

нее открой входную дверь, чтоб я не возилась с замками и будь возле Родди. Поняла?

Родион словно увидел, как на том конце телефона послушно кивнула его жена, а мама твердой рукой поставила трубку на базу, но потом сняла ее и направилась в сторону его бывшей комнаты, где, как уже догадался Родя, не спал отец. Осторожно, почему-то на цыпочках (зачем? ведь она все равно его не видела!) он двинулся следом.

Отец сидел на кресле возле тумбочки и возился с магнитофоном. На полу неровной башенкой высились катушки в картонных, пожелтевших от времени узких коробках, на боках мелким аккуратным отцовским почерком черными чернилами было описано содержимое: Высоцкий В., зарубежная эстрада (сборник), опять Высоцкий, Японские саксофоны (название группы, что ли?) и снова – Высоцкий, Высоцкий, Высоцкий...

На одном из конвертов Родя увидел надпись «Родди, 5 лет» и в памяти сразу возникла картинка. Отец принес откуда-то микрофон, белый пластмассовый прямоугольник, похожий на кусок банного мыла на тонкой проволочной подставке, усадил Родиона перед ним и сказал:

– Сейчас будем тебя записывать, Родди. Для истории!

– Для какой такой истории? – спросил Родион, с любопытством рассматривая пластмассовую штуку. В штуке были узкие длинные отверстия с серой мелкой сеткой внутри, а над ними за прозрачной вставкой – полукруг с делениями

как на линейке и стрелкой с красным наконечником. Когда он стучал по микрофону пальцем, раздавался глухой звук, а стрелка отклонялась туда-сюда.

– Ну как для какой? Для семейной! – объяснил отец. – Вот вырастешь большой, будет у тебя свой сын, дашь ему послушать, как ты говорил, когда был маленьким. Знаешь, как интересно.

Родион лишь пожал плечами – в пять лет смутно представляется какой-то будущий сын, да и вообще семейная история.

Отец между тем включил магнитофон на запись и торжественно произнес:

– Родди – пять лет!

И после короткой паузы:

– Ну, Родди, говори!

– Что говорить?

– Ну, расскажи что-нибудь!

– Что рассказать?

– Ну, про себя расскажи, стишок какой-нибудь, что хочешь!

Родион знал наизусть много стихотворений – бабушки занимались с ним усердно, но сейчас почему-то из памяти вылетели все строки. Поэтому он лишь глубоко вздохнул и промолчал.

– Ты чего молчишь? – задал вопрос отец.

Сын посмотрел на него и прошептал:

– Не знаю, что рассказать.

На помощь поспешила мама:

– Родди, а что ты недавно с бабушкой про зайца учил?

Родион оживился, поерзал на стуле и громко, так, что стрелка на микрофоне прыгнула влево и пропала, с выражением начал декламировать:

*Зайка сидит в витрине,
Он в серенькой шубке из плюша.*

*Сделали серому зайцу
Слишком длинные уши...*

И так далее.

Когда он закончил, отец похвалил и сказал:

– А теперь еще расскажи, стишок или сказку.

И Родион снова рассказал тот же стих про зайца в витрине. И дальше, на все просьбы отца, читал это восьмистишие Агнии Барто раз пять, пока отец не вспылил:

– Что ты все про зайца да про зайца? Надоело уже! Ничего не знаешь больше, что ли?

Но Родя лишь молчал и смотрел вниз, на палас, где обнаружилась маленькая дырочка, похожая на паука, и эта прореха казалась намного интереснее, чем глупая запись его чтения на магнитофон для какой-то неведомой истории.

В конце концов, отец сдался и отпустил сына восвояси, микрофон вернул и больше домой не приносил.

«Надо же, – думал Родион, рассматривая катушки, – а я и не знал, что эта пленка сохранилась. Однозначно придем

с Мячиком и послушаем».

– Кто звонил, Оля? – не поворачивая головы, спросил отец, услышав, что мама зашла в комнату. – Так поздно. Ошиблись что ли?

– А ты почему не ложишься, Витенька? – не стала сразу огорошивать отца мама. – Опять не спится?

– Да вот решил с магнитофоном разобраться. Вроде все работает, никаких повреждений, а почему-то бобины не крутит, хочу понять, в чем дело. Инженер я или нет? – отец повернулся к маме. – Знаешь, так захотелось Высоцкого переслушать! Не на компьютере, а именно на магнитофоне. Звук чтоб живой был, настоящий! Так кто звонил? – снова спросил он.

У отца было больное сердце, несколько лет назад еле успели спасти, благо, мама сразу заподозрила серьезное и вызвала скорую помощь. В приемном покое у отца случилась клиническая смерть, а через час – еще одна. После инфаркта он сильно изменился, стал молчаливым, даже угрюмым, уволился с работы и засел дома, копаясь в многочисленных железках и приборах – инженер. Но к маме был неизменно внимателен и нежен, и Родион просто не мог представить себе их отдельно друг от друга. Мама отца берегла и старалась не волновать. Вот и сейчас сделала вид, что ничего особенного не случилось:

– Да Раиса звонила, я ничего не поняла, ты же ее знаешь,

толком объяснить не может, непутевая, – не удержалась от маленького укола в отношении нелюбимой невестки мама. – Натараторила с три горы не понять чего, то ли Родя заболел, то ли Мячик...

– Как, опять? – изумился отец.

Была у него такая привычка, стоило случиться какой-то неприятности, кому-то заболеть или чему-то сломаться, отец удивленно восклицал: «Как, опять?». И неважно, что болели все в год под расход, а поломок за все время было лишь две – холодильник на даче и Родионова машина, да и то на гарантии.

– Что значит – опять? – парировала мама. – Мячик сто лет не болел, а Родион так вообще последний раз – в школе. Какое – опять?

– Идти обязательно? – язвительно прервал отец. – Без тебя не справятся? Разбаловала ты их, Оля! Чуть что – звонят, зовут, хоть утро, хоть ночь, всё в покое не оставят.

– Ну я ж все равно не сплю, схожу, узнаю, что там у них и как. Заодно и котлеток отнесу, рыбных, – стараясь не выдать тревоги мама поправила у отца задравшийся рукав футболки и положила телефонную трубку рядом с ним на тумбочку. – А ты ложись, не жди меня.

– Ладно, иди, я еще повожусь, – снова углубился отец в магнитофон. – Что здесь такое, ничего не пойму, все работать должно, а оно не работает...

Мама с грустью посмотрела на отца и вышла из комнаты.

Дождавшись, когда мама закрывает за собой квартирную дверь, Родион набросился на кота:

– Ты меня куда привел, Высоцкий? Это ж моих родителей квартира! Моих. Родителей. Зачем ты сюда меня приволок? Или дверью ошибся? Искал, искал и не туда попал?

Кот насуплено смотрел на Родю:

– Ничего я не ошибся, в таких вещах не ошибаются.

– Ты хочешь сказать, что мои мама и отец – Проводники? Они что, должны умереть? – срывающимся голосом допытывался Родион.

– Почему мама и отец? Только он.

– Что – он?

– Только отец, – уточнил Высоцкий. – Проводник – твой отец. И он мне нравится, с ним я пойду, – поспешно добавил кот.

– Куда пойдешь? – спросил Родион и, не дожидаясь ответа, обессиленно сел на банкетку в коридоре («Новая, не помню такой» – некстати промелькнуло в голове).

Высоцкий запрыгнул на колени Родиона и уткнулся в его руку холодным носом.

– Родди, ты пойми, это ж не я решаю, кому и когда уходить, ни при чем я, понимаешь? Я просто знаю – кто, а почему – не знаю.

– А откуда знаешь? – тихо задал вопрос Родя, поглаживая кота.

– Все коты это знают, природа такая. Пред-на-зна-чение, – по слогам проговорил кот. – Мы, коты, знаем, и у кого где болит, и кто когда уйдет.

– Как же так, Высоцкий? Почему отец? Почему сейчас?

Родион вскочил на ноги, опустив кота на пол, и забегал по коридору.

– Все можно изменить, нельзя бездействовать! Я не могу этого допустить, не имею права, надо заранее вызвать скорую, надо подать ему знак!

С этими словами, стараясь привлечь внимание отца, он попробовал скинуть с полки шкафа телефон, разбросать обувь, включить свет – безуспешно. Тогда Родя поспешил на кухню и начал греметь посудой, но звук был такой тихий, что по сравнению с ним шуршание мыши казалось бы обвалом в горах. В своих метаниях Родион не заметил, как на кухню зашел отец, и, когда обернулся, оказался с ним лицом к лицу. Отец был очень бледен, вокруг носа треугольником залегли синие тени, рука прижата к середине груди, тяжелое дыхание и гримаса боли. Родя замер, и отец замер тоже. Они стояли очень близко друг к другу, почти вплотную, но отец, конечно, этого не понимал, не видел и не чувствовал.

– Отец, – Родя попытался его обнять, но руки, не ощутив препятствия, сомкнулись, пройдя сквозь родителя.

Тяжело ступая, отец прошел к шкафчику, где мама всегда хранила лекарства, открыл его, но аптечки там не оказалось – после ремонта мама сделала перестановку в кухонном гар-

нитуре и убрала ее на другую полку.

С тихим стоном отец опустился на табуретку, все еще держась за грудь:

– Где же мои таблетки? Куда она их убрала? – безнадежно говорил он в пустоту.

У Родиона сердце разрывалось от собственного бессилия и жалости. Он начал открывать и закрывать ящики, пытаясь найти нужные лекарства. Кот наблюдал с порога, но помочь не спешил.

Отчаявшись, Родион схватил кота и начал трясти:

– Сделай что-нибудь, Высоцкий!

– Не могу, – повел ушами серый.

– Отца нужно спасать, делай, что хочешь, но я от тебя не отстану. Покажи отцу, где таблетки!

– Тогда мне придется *проявиться*.

– Проявляйся!

– Но тогда я не смогу с ним уйти!

– Отец никуда не пойдет, ни с тобой, ни один!

Высоцкий внимательно посмотрел на Родиона – кулаки сжаты, в глазах – ярость, и, несмотря на бесплотное, а значит безопасное состояние, энергия, исходившая от него, вызвала у хвостатого уважение и даже страх. Все-таки Высоцкий был домашним котом, а Родион человеком, то есть хозяином – существом, стоявшим много выше на эволюционной лестнице.

– А что будет со мной? – попытался защититься кот. – Родди, я так жить больше не могу! Это не жизнь – мучение.

– Я тебя проведу! – глядя прямо в кошачьи глаза вдруг выпалил Родя и тут же опустил взгляд: стыдно. Когда он говорил эти слова, то скрестил за спиной пальцы, что всегда означало – говоривший врет. Два скрещенных пальца аннулировали любое обещание, делали его ненастоящим, недействующим.

Кот увидел этот жест, но промолчал, как будто не заметил.

Вместо этого, глубоко вздохнув, он мягко запрыгнул на стол, возле которого с закрытыми глазами сидел отец, и громко мяукнул прямо ему в ухо:

– Мяу. МЯУ!

Отец вздрогнул, открыл глаза и тут же отпрянул – перед ним, на обеденном столе сидел большой серый кот. Зрачки кота светились странным, как будто потусторонним светом, словно это и не зрачки, а порталы в некий невиданный и неведомый мир. Не мигая кот смотрел на отца и мяукал:

– Мяу! Мяу! Мяу!

Отец настолько растерялся от увиденного, что на минутку забыл о боли, которая жгла и давила в груди.

– Откуда ты взялся, хвостатый? – он привстал и протянул руку, чтобы погладить животное, но тут же охнул и снова сел, тяжело дыша. – Что ли Оля забыла дверь закрыть?

Дыхание стало свистящим, с перерывами.

– Да что ты медлишь? – почти кричал Родион на Высоцкого. – Покажи ему, где таблетки!

– А я вот, видишь, помираю, – тихо обратился к коту отец. – Оли дома нет, и я таблетки найти не могу. Ничего я без нее не могу, ничего. Что я без нее делать-то буду там, на том свете, а, хвостатый? – глаза отца увлажнились, он снова попытался встать.

Наконец, опираясь о стол, отец поднялся и уронил чашку с недопитым маминым, уже остывшим, чаем, стоявшую на краю. Чашка с грохотом покатила по полу, но не разбилась, лишь пролился янтарной лужицей чай, да кружок лимона, описав неровную дугу, оказался под табуреткой.

Будто получив долгожданный сигнал на старт, кот вскопчил со стола, прыгнул и повис, как на заборе, на дверце кухонного шкафа. С легким скрипом – словно и правда калитка на старых воротах – дверца распахнулась, и с верхней полки на пол с шуршанием начали падать коробочки, блистеры, тюбики и бумажные пачки с лекарствами. Последним, немного задержавшись, выкатился флакончик коричневого стекла с маленькими белыми таблетками внутри. Соскользнув с образовавшейся из лекарств горки, флакончик звонко покатила и, покрутившись вокруг собственной оси, замер возле отцовских ног.

– Нитроглицерин, – одновременно прочитали отец и сын. Не веря глазам, отец осторожно поднял и дрожащими пальцами открыл упаковку со спасительным содержимым,

которую безуспешно пытался найти самостоятельно. Положив таблетку под язык, он присел на табурет и прикрыл глаза. Лекарство подействовало почти моментально: Родя видел, как отступает с лица родителя смертельная синеватая бледность, выравнивается дыхание, расслабляются плечи.

– Спасибо тебе, хвостатый, спас. И откуда ты только взялся? Не иначе – Бог послал, – еле слышно начал отец. – Точно – Бог, а я и не одной молитвы не знаю, чтоб отблагодарить. Всю жизнь атеистом был, а вот надо же – Ему не важно, верю я или не верю, помог и атеисту.

Отец вздохнул, а потом произнес:

– А, впрочем, знаю, как отблагодарить, хвостатый! Возьму тебя к себе, будешь с нами жить. Ты, я вижу, уже немолодой, нечего старость на улице встречать, будешь в тепле и сытости доживать, ни в чем отказа не будет. С Мячиком тебя познакомлю. Мячик – это внук, – пояснил отец, – хороший пацан, добрый. Вот уж он обрадуется! Дома-то не разрешают кота завести, а у нас теперь будешь ты.

Спохватившись, отец вдруг резко встал и, морщась от боли, которая еще стесняла грудь, произнес:

– Надо им позвонить, а телефон в комнате. Что там у них, что-то с Мячиком или с Родди? Эта Рая – такая непутевая, ничего толком объяснить не может, – повторил отец мамины слова и неуверенно пошел в сторону комнаты.

– Родди – это сын, а Рая – его жена, – уже из коридора уточнил отец, – они в соседнем подъезде живут. Сейчас по-

звоним им, а потом я тебе молока налью. А лучше котлету рыбную, а, хвостатый? Ел рыбные котлеты хоть раз? Наверняка нет. Вкусные котлеты, из горбуши.

– Надо уходить, – сказал Высоцкий, показывая на электронные часы, светившиеся на полочке. – Время, Родди, время! Мы пробыли здесь дольше положенного. Я тебе сразу не сказал, но когда приходится *проявляться*, время идет как обычно. Пока он в комнате возится, надо лиять, иначе поздно будет.

– Да, конечно, – кивнул Родя. – Я только посмотрю, что там, одну секундочку – просто убедиться, что все в порядке.

Кот вздохнул, а Родя опять почему-то на цыпочках двинулся в свою бывшую комнату, куда уже зашел отец. Потянувшись за трубкой, отец случайно задел магнитофон и почти сдвинул его с тумбочки. От этого перемещения в магнитофоне случились какие-то невидимые глазу изменения, раздался щелчок, внизу слева загорелась зеленая кнопка, два раза дернулись, а потом с тихим шуршанием закрутились бобины: на пустую катушку справа стала наматываться коричневая тонкая лента-серпантин с левой катушки.

– Заработал, – прошептал отец, роняя телефон. – Хвостатый, он работает.

Высоцкий схватил упирающегося Родиона за руку и потянул его из комнаты.

С легкостью пройдя сквозь стену, приятели выбежали на

улицу. Во дворе было уже совсем темно, и окон светилось меньше – люди легли спать. Легкая морось превратилась в настоящий осенний дождь, холодный и нудный. Родион с котом остановились под окнами родительской квартиры и задрали головы: одно из окон вдруг распахнулось, и из него, разрывая ночную благостную тишину, на всю улицу, словно набат, гремело и хрипело:

Спасите наши души!

Мы бредим от удушья.

Спасите наши души!

Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —

Нам SOS всё глуше, глуше.

И ужас режет души

Напополам...

– Высоцкий... Та самая песня, – глухо проговорил Родя. – Высоцкий, слышишь? Слышишь? Высоцкий?

Но ответа не последовало. Родион повернул голову и огляделся – кота нигде не было. Высоцкий исчез.

Родион в панике закружил по пяточку, на котором только что стоял вдвоем с котом. В голове трусливым зайцем прыгал единственный вопрос: что с ним теперь будет? Ведь, несмотря на то, что Проводника искал кот, в теперешнем своем состоянии Родя нуждался в сером куда больше! Родя был уверен – только Высоцкий сможет вывести его из

промежуточного состояния, в котором он оказался. В каком-то смысле сам Высоцкий стал Проводником, и его пропажа означала для Роди страшное – смерть, причем буквально!

Родион снова повертел головой, но ничего не увидел – темнота, как живая, окутала его, будто окунула в чернила. Фонари, хоть и были зажжены, ничего не освещали, круглые пятна их света лишь подчеркивали окружающую мглу, делая ее еще непроглядней. В желтых световых кругах колючими иголками вспыхивали дождевые струи, вонзаясь и впитываясь в черный, как земля, асфальт.

– Высоцкий, – тихо позвал Родион, – ты где? Высоцкий, эй, Высоцкий!

Никто не отозвался.

– Серый, котяра, выходи! Хорош шутки шутить, не смешно! Высоцкий! – все громче и громче звал Родя. – Кот! ВЫСОЦКИЙ!!!

Неужели кот сбежал, бросил его? А что, запросто мог. Увидел Родины скрещенные пальцы, смекнул про вранье, да и удрал. А Родя пусть сам разбирается, ищет выход. «Кто меня язык тянул, – сокрушался Родион, – зачем пообещал быть Проводником, хоть и не всерьез? Обманул, а ведь он мне поверил... Вот вернусь – ни за что, никогда, никого больше не обману, даже в шутку, даже не нарочно! Первым делом – никакого вранья...»

Дождь усиливался, таранил все громче и громче, но Ро-

диону ничего не оставалась делать, как замереть на месте и прислушиваться, и приглядываться – вдруг мелькнет хвост или раздастся знакомое «мяу!». Но сквозь шум дождя лишь доносилось приглушенное шуршание шин редких машин от проспекта рядом с домом, да стук закрывающихся окон – ложащиеся спать люди не желали пускать в дом промозглую осеннюю сырость.

Вдруг из кустов, рядом с которыми стоял Родя, раздалось слабое потрескивание и шорох. Родя прислушался. Шорох повторился – он действительно шел со стороны пышных, и, несмотря на октябрь, совершенно зеленых невысоких кустов с крупными белыми ягодами. С самого детства Родя знал, что ягоды эти называют снежными, и есть их нельзя ни в каком случае – ядовитые. Так говорили ребята во дворе, а мама подтвердила. Как на самом деле называется кустарник, и так ли опасны его плоды, он никогда не интересовался, но Мячику повторял то же самое: «Это, сынок, снежные ягоды, в рот не вздумай тянуть, а то свалишься с заворотом кишок, а то и в больницу заберут!». Сейчас на упругих, молочно-белых, аккуратных, матовых как отборный морской жемчуг, ягодах холодным бриллиантовым светом взблескивали капли дождя. «Что же это за растение? – скакнули Родины мысли в неожиданном направлении. – Почему я никогда этим не интересовался? А вдруг они не вредные, а очень даже полезные? Первым делом...» – мысли свернули на привычную уже дорогу, а Роде вдруг нестерпимо захотелось по-

пробовать эту снежную мякоть. Сорвать не получилось, в его прозрачных руках совсем не было силы, правда, от Родиного прикосновения с листьев сорвалась дождевая вода и обрызгала его. Он поежился и заглянул в кусты.

На мокрой холодной земле сильно поджав, так что их почти не было видно, задние лапы, и, вытянув, как в судороге, передние, на спине неподвижно лежал Высоцкий. Голова его была свернута набок, хвост прижат к животу, глаза закрыты. Казалось, кот не дышит.

Родя по-бабьи всхлипнул и прижал ладонь ко рту: «Неужели умер?». Боясь подойти к безжизненному телу, Родя остановился возле кустов и наблюдал. Дождь хлестал, Родя мерз, но никак не мог решиться приблизиться.

– Да живой я, живой, – раздалось знакомое ворчание. – Говорю же, не пришло мое время. Зачем я, по-твоему, Проводника ищу? Из-за того и ищу, что до времени хочу...

Кот обессиленно замолк и открыл глаза.

Цепляясь за ветки, Родя рванулся к серому сквозь кусты.

– Высоцкий, что случилось? – причитая, он упал на колени рядом с животным и попытался поднять его на руки. – Тебе плохо?

Поднять на руки почему-то не получалось, сил в них не было совсем.

– Сегодня особенно крутит, говорю же, – слабым голосом продолжал Высоцкий. – Боль такая, что лучше сдохнуть. А сдохнуть-то и не получается. Видать, в прошлой жизни на-

грешил, вот и терпеть теперь наказание неизвестно сколько...

– Идти сможешь? – спросил Родя. – А то я вот видишь, обессилел.

– Это просто твое время заканчивается, – объяснил, закрывая глаза, Высоцкий.

И в доказательство его слов друзья услышали далекий вой сирены – это скорая помощь торопилась на вызов.

– К тебе едут, – прошептал кот. – погоди, я попробую встать.

Высоцкий осторожно расправил скрюченные задние лапы, несмело pokrutil головой, расслабил хвост и, повернувшись на бок, замер. Невооруженным взглядом было видно, с каким трудом даются ему эти простые движения. Немного полежав, кот рывком встал на четыре лапы, слегка выгнув спину, потянулся и, пошатываясь, сделал шаг вперед.

Обрадованный Родя вылез из кустов и заторопился к своему подъезду:

– Высоцкий, давай потихонечку, не торопись, – подбадривал он плетущегося за ним кота. – Я подожду, ты не переживай. Я ж все понимаю, – говорил Родион, уходя все дальше вперед.

Глухой звук заставил его обернуться. Родя увидел, что Высоцкий не прошел и трех шагов – упал от очередного приступа. Несчастное животное изгибалось и металось, пытаясь найти удобную позу, в которой боль будет не столь сильной,

но ничего не получалось. Кот бил хвостом по луже, возле которой упал, и хвост стал похож на крысиный – тонкий и длинный. Из сомкнутой пасти кота вырывались протяжные стоны, но в конце концов Высоцкий не выдержал и истошно, на всю улицу, закричал. Его крик растворился в вое сирены заехавшей во двор кареты Скорой помощи.

Родион в один прыжок оказался возле кота и снова попытался его поднять – безуспешно.

– Ну, вставай, серый, поднимайся, осталось чуть-чуть, – уговаривал он кота. – Нам бы в дом зайти, а там я что-нибудь придумаю, все наладится, обещаю!

– Ничего не наладится, Родди, – пристально глядя на Родио желтыми огромными глазами проговорил Высоцкий.

– Ну существует же какое-то лечение! – сердился в отчаянии Родион. – Такого не может быть, чтоб не существовало!

– Нет никакого лечения, Родди. Ничего не наладится, – повторил кот.

В это время неотложка остановилась напротив Родиного подъезда, и из нее вышли двое мужчин в белых халатах, в руках одного был чемоданчик с лекарствами, другой нес портативный электрокардиограф, Родя видел такой у медсестры, которая приходила к отцу после инфаркта домой. Водитель скорой вылез из машины, потянулся и закурил:

– Да! Теперь надолго зарядило, – протянул он, ежась под дождем.

– Ну а что ты хочешь, Семеныч, все ж таки осень, унылая,

как говорится, пора, – ответил один из врачей и открыл папку с бумагами. – Ну, ничего, скоро на станцию, этот вызов последний. Подозрение на инсульт, но пациент молодой, жена перепугалась наверняка зря, все будет хорошо.

– Ничего хорошего, – выдыхая дым проворчал Семеныч. – Теперь до ноября будет лить, а там и снег. Эх, на юге бы мне жить, а не в этих хлябях небесных.

– Да я про пациента сказал, что хорошо, при чем тут хляби. А ты не пессимиздь, Семеныч! Лучше бросай курить, вставай, как говорится, на лыжи, – подмигнул доктор водителю и вместе с напарником зашагал к подъезду.

– Тебе пора, – показывая взглядом на врачей произнес кот. – Если хочешь вернуться, должен зайти вместе с ними, в одну дверь.

– А как же ты, Высоцкий? – с отчаяньем спросил Родя.

– Отлежусь и пойду домой как-нибудь. Не впервой прихватывает, хотя так, как сегодня, пожалуй, еще не бывало.

– Куда ты пойдешь? – допытывался Родион. – Дверь на кодовом замке, как попадешь в подъезд?

– Ты вернуться хочешь или нет? – с раздражением перебил кот.

– Х-х-хочу, – заикаясь подтвердил Родя.

– Так иди! Видишь, доктора-то уже в подъезд заходят! Иди давай!

– А как же ты? – повторил Родя. – С тобой что? А вдруг замерзнешь? А вдруг собака? Надо что-то придумать, зата-

щить тебя в подъезд!

– Некогда уже думать, – слабо огрызнулся кот. – Разберусь без тебя. Иди! Иди, а то опоздаешь, что тогда делать?

– Я что-нибудь придумаю, Высоцкий! Найду тебе Проводника, обещаю! Поверь мне, хвостатый! – он погладил намокшую кошачью шерсть и побежал к подъезду, дверь которого, впустив докторов, медленно закрывалась, и полоска света, вырвавшаяся в ночную темноту из теплого уютного дома, становилась все тоньше и тоньше. Когда Родя подбежал ко входу, полоска исчезла. Дверь с мягким щелчком закрылась – Родя не успел.

Увидев это Высоцкий, шатаясь, кое-как поднялся на дрожащих лапах, глубоко вздохнул и завопил – утробно, протяжно, неистово, так, как умеют орать только коты. Закрывающаяся было дверь распахнулась, и в образовавшемся проеме показался один из врачей. Придерживая тяжелую створку, он испуганно вглядывался в ночь, пытаясь разглядеть кота, хвост которого, как он решил, прищемил заходя. Не обнаружив животное, врач отпустил дверь, но невидимый Родион уже успел проникнуть в подъезд.

Высоцкий был прав – в своем теле Родион оказался сразу, как только зашел с докторами домой. Тело по-прежнему лежало возле шкафа, с неудобно подогнутыми ногами, правда, уже без обуви. Недавно грязные, кроссовки теперь стояли на газете в углу, отмытые и насухо вытертые. «Мама...» – на

глаза выступили слезы. Мама привела в порядок не только Родионовы кроссовки: его чистые отполированные офисные туфли блестели как новые, а подошва Мячиковых кед сияла белизной.

Неожиданно обнаружилось, что в теле очень неудобно. Оно напоминало костюм, который испачкали то ли в глине, то ли в грязи, высушили, не постирав и не почистив, и заставили надеть в таком виде. Родионовой сущности было жестко, неподвижно, что-то карябало, жало, от сухой грязи свербило в горле и хотелось вылезти. Родя возился, стараясь принять комфортное положение. Поняв, что ничего не выходит, он вздохнул и попытался осмотреться.

Шея еле ворочалась, повернуться, а уж тем более встать, не вышло.

– Ну-ну, голубчик, что это за активность? Лежите-лежите, успеете еще напрыгаться! – услышал Родион голос врача, который шутил с водителем на улице. Врач склонился прямо над Родионовым лицом и внимательно смотрел ему в глаза. – Что, испугались? – чуть насмешливо спросил врач. – Вот и жену напугали, и мамашу, всех вокруг собрали. Все нервные такие стали, эмоциональные, да, жена?

Врач подмигнул Рае, стоявшей, как чувствовал Родион, рядом, просто вне зоны его видимости. Рая в ответ лишь всхлипнула – видимо, и вправду испугалась.

– Несите документы э-э-э-э... как зовут? – продолжал доктор.

– Рая! То есть Раиса! – по-пионерски отрапортовала жена.

– Да занемогшего как зовут, а, Рая? – вздохнул врач. – Где его документы? Паспорт, полис?

– Сейчас, сейчас принесу, – засуетилась жена и зачем-то начала объяснять, что хранит документы в книгах – для каждого своя. Родионовы документы лежат в одной книге, ее – в другой, а сына – в третьей. Удобно.

Врач лишь пожал плечами такой системе хранения и достал из чехла электрокардиограф.

– Мужа Родди зовут, – уже из другой комнаты продолжала жена, судорожно роясь на книжной полке – нужное никак не находилось.

– Первый раз такое имя слышу, – прокомментировал доктор, вытягивая из аппарата розовую ленту, на которой неровными зигзагами возникало изображение Родиного сердца – сплошь изломы да выступы.

Наконец необходимое – Родиной паспорт, снилс и медицинский полис – было найдено, и Рая поспешно подала их доктору прямо в книжке, в которую они были сложены. Врач взял документы, а книжку положил рядом с Родионом на пол. «Серия «Уходя навсегда, возвращайся...», – скосив глаза на книжный корешок прочитал Родя и подумал: «Откуда у нас такая ерунда? Никогда не видел. Кто это читает?» Рядом с названием серии закрученными в вензеля буквами значилось собственно название истории: «Песок и камни». Родя усмехнулся – песок и камни, надо ж такое придумать.

Взгляд заскользил от книги вдоль пола на стену и, наконец, уперся в потолок, в самые антресоли.

Из неплотно закрытой дверцы антресолей торчал бледно-синий бумажный уголок. «Похоже на большой конверт, пластинка что ли? – лениво подумал Родион, и вдруг в голове словно взорвались тысячи пузырьков: как с шипением и брызгами холодная газировка наливается в стакан, так и Родины мысли начали лопаться и гудеть, ударяя в виски и затылок с таким напором, что становилось нестерпимо больно.

– Высоцкий, – неразборчиво простонал Родион и попытался сесть. В глазах потемнело, голова закружилась, руки не двигались – тело не слушалось совсем.

– Ну-ну, приткий какой! – остановил Родиона врач. – Чего случилось-то? Куда засобирался?

– Там Высоцкий, – кое-как проговорил Родя.

– Высоцкий? – удивился медик. – Высоцкий? Владимир Семенович что ли?

– Нет, – помотал головой Родион. – Кот.

– Кот? – пожал плечами доктор и вопросительно посмотрел на Рая: может, она что-то поняла и объяснит?

Но Рая ничего, конечно, не поняла, а лишь прижала руки ко рту и тихонько заплакала.

Никто из них не заметил, что открылась дверца антресолей и из нее, скользя по воздуху, словно отпущенный с веревки воздушный змей, прямо в руки изумленного врача спланировала пластинка в блекло-синего цвета конверте.

– Владимир Высоцкий. Песни разных лет, – растерянно прочитал он.

Родион злился – сил не было, руки-ноги, ставшие чужими в этом твердом неудобном теле, не слушались, лишь хаотично дергались как у младенца, не владеющего координацией, встать он не мог, а кота надо было спасать. Сидит там один под дождем, до утра может и не досидеть и что с ним будет? Сам не помрет, а Проводника нет.

Когда Родя был маленький, мама учила в трудных ситуациях медленно считать до десяти, только медленно. «За это время успеешь успокоиться и найти верное решение, – объясняла мама. – Это не я придумала – закон психологии».

Родион закрыл глаза и начал считать.

На счет «десять» он не без труда встал, взял пластинку и вышел из дома.

Мокрого Высоцкого Родион застал в подъезде, тот тщательно вылизывал шерсть, пытаясь таким образом подсушиться и согреться – замерз так, что трясло как в лихорадке. Увидев Родю, кот остолбенел:

– Родди?!? А ты здесь как? Ты что, того? – кот сделал неопределенное движение лапой вверх.

Родион присел рядом с серым и протянул пластинку:

– Я просто за пластинкой ходил, Высоцкий. Держи.

Кот осторожно взял из прозрачной Родионовой руки кон-

верт и тихо спросил:

– А как же ты?

– А что я?

– Ну, у тебя же Мячик, магнитофон, отец, котлеты рыбные. Жизнь, новая. Ты же новую жизнь хотел! А еще эти, ну как их? Кроссовки! Кроссовки еще, грязные. Как с этим со всем?

– Ты мне лучше вот, что скажи, Высоцкий, – остановил кота Родион. – Как думаешь, *Там, Где Мы Окажемся*, хоть какой-нибудь завалящий проигрыватель-то найдется? Пластинку послушать?

Высоцкий пристально посмотрел на Родиона своими желтыми огромными глазами, поддевая лбом ладонь, уткнулся холодным носом в его руки и произнес:

– Там сто тысяч проигрывателей, Родди. Сто тысяч проигрывателей, сто тысяч магнитофонов, там всего – сто тысяч.

– Ну, вот и отлично, – улыбнулся Родион, легко беря кота на руки, – значит, пойдем. Прямо сейчас и выходим.

– Хорошо, Проводник, – ответил кот, устраиваясь на сильных, хоть и бесплотных, Родиных руках. Пластинку он твердо держал обеими лапами.

– А новая жизнь, – шагнув сквозь стены и двигаясь в ночной мокрой темноте рассуждал Родди, – что новая жизнь? Она всегда – новая, ведь свой каждый день ты проживаешь первый раз, согласен?

– Согласен, Проводник, – зевая кивнул кот.

– А кроссовки... Кроссовки мама помыла, – Родди мягко улыбнулся. – Слышишь, а?

Но кот ничего уже не слышал, удобно растянувшись он крепко спал. Спал без боли, без тревоги, без печали и без снов – на надежных руках Проводника Родди.

То, что Высоцкий пропал, хозяева поняли не сразу. Утром увидели нетронутую миску с сухим кормом, чистый лоток, но не придали значения – мало ли, может, серый не проголодался, где-то спрятался и спит. Искать не стали, ушли на работу. Вечером хозяин задержался, а хозяйка, уставшая и удрученная, заснула перед телевизором. Словом, хватились только через два дня. Походили по подъезду, поспрашивали – никто ничего не видел. Правда, старушка из пятой квартиры утверждала, что буквально на днях к ним в квартиру «прямо без приглашения появился серый кот с молодым человеком из нашего подъезда!», но ее слова всерьез никто не принял – деменция. К соседям стучать не стали, не до кота им сейчас, такое горе в семье. Расклеили объявления: «Пропал кот, окрас серый, отзывается на кличку...», но, как и ожидалось, никто на объявления не отреагировал. Через неделю поисков миску, лежанку и лоток кота хозяйка унесла на помойку. Девчонке о пропаже решили не сообщать.

17 августа 2022 года